

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Корректировщик

Василий Головачев
Корректировщик

«ЭКСМО»

1996

Головачев В. В.

Корректировщик / В. В. Головачев — «Эксмо», 1996

ISBN 5-699-05237-2

Никто из ученых-атомщиков на Земле и предположить не мог, что их полигоны для ядерных испытаний в Неваде и у острова Муруроа дадут жизнь разумным суперзаврам – `коннице Вселенной`. Именно они, поглощающие смертельную для человека радиацию, ведут непримиримую борьбу в необозримых далях космоса с разрушительной энтропией, отвоевывая у хаоса все новые пространства, годные для жизни.

ISBN 5-699-05237-2

© Головачев В. В., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Драма 1	5
Драма 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий ГОЛОВACHEВ КОРРЕКТИРОВЩИК

Драма 1 ПАТРУЛЬНЫЙ

Тетрарх патрульной монады Адамева учуял дыхание чужого закона, находясь на границе подконтрольной зоны, примерно в двух миллионах парсеков от желтой звезды, которую люди впоследствии назовут Солнцем. Дыхание было очень тихим и тонким: кто-то пытался незаметно, на уровне «суперструнной» базы, свернуть двумерный закон изменения энтропии, превратить его в одномерный, причем – в деструктурирующий, то есть увеличивающий хаос в этой зоне космоса. Причем бесповоротно!

Реакция Адамева была мгновенной, хотя ему не следовало действовать сразу, надо было сначала обойти всю зону, проверить радиус чужого вмешательства и его силу и лишь потом попробовать изменить ситуацию, нейтрализовать действие чужого закона. А если потребуется – вызвать помощь пограничной бригады. Однако тетрарх был молод, горяч, энергичен и считал, что справится с любым вторжением во вверенном ему пространственном районе. «Пришпорив» тетраду, Адамева коршуном слетел «вниз», к границе зоны, подвергшейся нападению, и... был встречен жестоким кинжальным выпадом чужих сил.

Выпад носил форму изменения сущности бытия, а не физического воздействия. В принципе, тетрада имела возможность уклониться и от удара чужого закона, уйдя в прошлое краем времен, однако удар был слишком внезапен и точен, по сути, он являлся разрывом всех существующих в данном районе космоса физических законов. Он просто-напросто запрещал патрульной монаде существовать!

Будь Адамева послабей, он бы тут же исчез, превратился в «суперструну», растянувшуюся по всей Вселенной. Но тетрарх был личностью незаурядной, до патрульной службы работал в составе пентады Внешней Разведки и знал многое, а главное, обладал адапто-адаптирующей программой, которая, сработав, не позволила Адамева и монаде в целом исчезнуть бесследно.

Как единица действия – монада патрульная тетрасистема перестала существовать, но как несвязанная система отдельных существ, составляющих тетраду, монада уцелела. Поскольку распад ее произошел в точке с координатами, точно соответствующими положению одной из планет, которую люди впоследствии назовут Землей, отдельные компоненты тетрады вонзились в нее, как пули одной очереди с разбросом в тысячи километров.

Носитель погрузился в океан, вызвав гигантскую волну цунами, трижды обжевавшую весь земной шар.

«Конь» упал на материк, проделав в базальтовом щите глубокую многотысячметровую борозду и вызвав сильнейшее землетрясение и всплеск вулканической деятельности, погрузившей земную атмосферу в тысячелетние сумерки.

Наездник также упал на материк, но правее, за шесть тысяч километров от «коня», и его падение тоже породило землетрясение, круто изменившее ландшафт материка, в ту пору имевшего другие очертания, разбив его на несколько отдельных плит.

Сам же Адамева, подчиняясь защитной адаптирующей программе, которую люди назвали бы инстинктом самосохранения, существовать во плоти в данной точке пространства не мог, чужой закон запрещал ему это, и он «осел» бесплотным неощутимым «облачком изменений» в генах существ, которые уже в то время обживали континенты Земли.

Существа эти, уцелевшие после наводнения и землетрясений, получившие единовременный «сдвиг» генных программ, впитавшие память, знания и параметры личности Адамевы, через сотни тысяч лет после этого события назвали себя людьми...

* * *

В тот же временной отрезок, который можно было назвать днем, начальник пограничной службы Кокона Вселенной галеарх Сомарева, явившись по вызову экзарха Саварджа Кокона, доложил:

– В районе вихревых звездных сгущений Хаадада исчезла патрульная тетрасистема типа Корректировщик.

– Причина? – поинтересовался экзарх, располагаясь сразу в нескольких координатных узлах, которые можно было бы назвать измерениями.

– Вторжение локального изменения местного закона, слом изменения энтропии, умело инициированный разведвектором Чужого Кокона. Тетрарх Адамева оценил опасность слишком поздно. Монада патруля перестала существовать. Я послал туда патрульную пентасистему типа Ассенизатор, но поиски тетрарха могут продлиться долго.

– Ассенизатора отзовите, у нас слишком много других забот, чтобы отвлекаться на поиски патрульной тетрады. Возможно глубокое проникновение разведвектора Чужого Кокона в самое Сердце Вселенной, что потребует соединить усилия всех фагоцитарных сил. Вы ликвидировали прорыв в том районе?

– Закон изменения энтропии в зоне Хаадада восстановлен, однако потребуются длительность времени для ликвидации последствий. В результате вторжения нарушен вакуумный баланс зоны, изменились все параметры микро-макросоотношений. Область вихревых звездных островов теперь будет долго скользить в «яму» трехмерья.

– Не пришлось бы ее ампутировать.

– Для Кокона Вселенной она пока безвредна. Что касается тетрарха Адамевы, я все же послал бы в Хаадад поискера, пусть и рангом ниже.

– Не распыляйте силы, – отрезал экзарх. – В скором времени они нам понадобятся. Я сам пошлю в район Хаадада контролера. Проанализируйте причины прорыва границы в области Хаадада и укрепите границу тетрадами типа Бастион.

Начальник погранслужбы сделал жест сродни почтительному поклону и втянул контактирующую с экзархом часть своей личности в сложное многомерное тело, как черепаха втягивает лапы и голову в панцирь. Тихо перетек из одного измерения в другое и выплыл из двадцатимерного времени-пространственного купола уже в своей епархии, в шестимерном континууме погранслужбы, описать форму которого не в состоянии ни один земной язык.

Войдя в свой личный кокон (носитель Сомарева занял трехмерный уровень, «конь» – четырехмерный, а наездник и управляющий – шестимерные уровни), начальник погранслужбы Кокона Вселенной вызвал своего заместителя иринарха Герпедраго и сказал ему, когда контактирующая часть тела Драго, его третья сущность, проявилась в континууме кабинета:

– Подыщи замену Адамеве. Систему звезд в Хаададе надо изолировать. Поиски тетрарха прекратить, Ассенизатора отозвать, границу заблокировать.

– Но Адамева мог уцелеть...

– Экзарх запустил в Хаадад просачивающуюся самореализующуюся программу типа Контролер. Он тихо и незаметно пощупает звезды и планеты. Если Адамева жив, он откликнется. А нам с тобой нужен сейчас каждый патрульный.

– Принял, исполняю. – Герпедраго «поклонился» и бесшумно ушел в другое измерение.

Начальник погранслужбы задумчиво посмотрел ему вслед, но дела не ждали, и он занялся другими проблемами.

На Земле же в это время шел процесс рождения разума, подстегнутый падением патрульной тетрады и распадом интеллекта и личности Адамевы. Элементы монады – носитель, «конь» и наездник – конечно, разбились, но имели собственные защитные контуры, которые медленно, но уверенно запустили процессы адаптации к земным условиям существования будущих потомков монады. Каждый элемент монады имел свой собственный орган деторождения, и хотя должны были пройти миллионы лет, прежде чем на свет появились бы потомки тетрады Корректировщика, для Кокон Вселенной это не имело значения, как и для пограничной службы, отвечающей за его безопасность. Кокон мог ждать вечно.

Драма 2 НОСИТЕЛЬ

Лейтенант Франсуа Толендаль прибыл на Муруроа в составе батальона охраны ядерного полигона весной, которая начиналась в этой части Тихого океана в сентябре. Ему предстояло в течение года охранять секреты полигона и участвовать в постепенном свертывании программы испытаний, что на языке практика означало уничтожение инфраструктуры полигона, то есть готовых комплексов, шахт с ядерными устройствами, бетонирование скважин и трещин в основании атолла. Последняя часть задания не нравилась никому из французского воинского контингента, в том числе и Толендалю, однако он был военным человеком и подчинялся приказу, как и все сослуживцы.

И все же, будучи холостяком и французом до мозга костей, Франсуа быстро нашел средство для успокоения нервной системы. Этим средством оказалась аборигенка Муруроа по имени Натили, меланезийка по происхождению. По ее словам, она принадлежала к народности эроманга, для традиционной социальной организации которой характерно существование двух общественных рангов: фанло – вождей и тауи натимоно – простолюдинов. Натили была дочерью фанло, поэтому получила современное образование и диплом врача, обучившись в университете в Канберре. В родные пенаты, то есть на остров Вануату, где жило племя отца, она уже не вернулась, вышла замуж за полинезийца Нэсока, уроженца Папэте, одного из островов Общества, находящихся под протекторатом Франции, и вместе с ним переселилась на атолл Муруроа, где Нэсок получил работу как строитель и разработчик шахт. Однако супружеская жизнь Натили длилась всего семь месяцев. Во время работы Нэсока завалило в одной из шахт полигона, и Натили осталась вдовой. Погоревав немного, она решила вернуться на родину, но военное представительство полигона предложило ей работу медсестры, и она осталась. А вскоре на полигоне появился Франсуа Толендаль, высокий, плечистый, красивый, обаятельный, улыбчивый и добрый. Естественно, он сразу обратил внимание на миловидную смуглокожую медсестру с прекрасной фигурой и водопадом блестящих черных волос.

Два месяца они встречались только официально, как бы приглядываясь друг к другу, потом Натили Нэсок сдалась, уступив бурному натиску веселого француза, способного к тому же защитить ее от приставаний других особей мужского населения полигона, не избалованного женским вниманием. Любил ли ее Франсуа, она не спрашивала, ей было хорошо и так, только сладко замирало сердце, как при спуске с американских (они же русские) горок, любимом виде отдыха первого мужа Натили.

Территория военного ядерного полигона – не место для тайных встреч и прогулок влюбленных. Но атолл Муруроа все же не являлся тюрьмой за колючей проволокой, и на нем существовало немало красивых уголков природы, где Франсуа и Натили могли чувствовать себя почти свободно и комфортно.

Кольцевой риф атолла разбит протоками на большие и малые прямоугольные островки, многие из которых поросли кокосовыми пальмами и тенистыми хлебными деревьями. Местами пальмы выстраиваются сплошной стеной вдоль рифа, но чаще образуют группы, разделенные мелкими протоками, по которым океанская вода вливается в лагуну. Издали стройные пятнадцатиметровые пальмы с шапками изящных листьев очень красивы, не то что бесформенные хлебные деревья, которые зато дают густую тень и укрытие от посторонних глаз. Грунт на Муруроа везде один и тот же – мелкий белый коралловый песок, а дорожки между пальмами усыпаны старыми орехами. Местами пологие волны лагуны, десятки раз вздрагивавшие от подземных ядерных взрывов, подмывают пальмы так, что стволы наклоняются над водой под углом шестьдесят градусов, и если взглянуть на их обнаженные корни, то видно, что

они образуют замысловато сплетенную сеть, помогающую пальмам улавливать пресную воду во время скудных дождей и придающую им устойчивость.

Некоторые коралловые островки в самой лагуне, так называемые внутрिलाгунные рифы, также очень красивы, но отдыхать и даже приближаться к ним нельзя: вся лагуна, по сути, уже территория полигона и усеяна сотней телекамер, датчиков и разного рода приборов для регистрации излучений и полей. Поэтому Франсуа и Натили любили уединяться в одном из самых укромных местечек атолла на западном берегу, где природа соорудила нечто вроде «кармана», окруженного пальмами и невысокими, до пяти метров высотой, известняковыми столбами. Найти этот «карман» с берега трудно, о существовании этого уголка рифа сама Натили узнала лишь от местной жительницы-полинезийки, прожившей на острове всю свою двадцатилетнюю жизнь. Зато это действительно был райский уголок!

Когда Франсуа впервые попал сюда, ему открылась прогалина в обрамлении пальм, выстланная ковром из стелющегося растения ипомеи и отгороженная от пальм густыми зарослями папоротника и широколиственных кустарников – сцеволы и баррингтонии. Кусты постарше были оплетены буровато-желтыми нитями вьющейся кассиды, создающими плотную «проволочную» сетку, которая почти скрывает сам кустарник. Не зная прохода в этих зарослях, войти в прогалину невозможно. Лишь с одной стороны она приоткрывается в сторону лагуны, выходя на берег, да и то лагуна здесь образует изгиб, как бы заводь за барьером из внутреннего рифа. Здесь влюбленные могли чувствовать себя свободно и предаваться радостям любви, не опасаясь, что какой-нибудь наблюдатель увидит их с поверхности лагуны.

Спустя два месяца после знакомства Натили впервые привела лейтенанта в это место, не раскрывая тайны, которая стала ей известна также от Туэмы, полинезийки, доверившейся своей новой подруге. Потом были еще встречи и еще, пока Натили окончательно не потеряла голову. И вот однажды в один из весенних дней сентября, не отличимых практически от летних, зимних или весенних дней, когда Толендаль получил отпуск на сутки с субботы на воскресенье, Натили снова повела его в их «райский уголок», задумчивая больше обычного. Притих и Франсуа, поглядывая на подругу, но не решаясь отвлечь ее от своих мыслей. Однако после прибытия в «рай» все же не выдержал:

– Что случилось, Тили? Опять приставал Пузатый Рак?

Натили улыбнулась. Пузатым Раком Франсуа называл начальника госпиталя полковника Базиля де Аларкона за его объемистую талию и цвет лица.

– Нет, авун ¹, Рак здесь ни при чем. – Девушка разделась, оставаясь в парео, подошла к Франсуа, сбросившему военный мундир применительно к местным условиям – шорты, куртку, майку, посмотрела ему в глаза. – Поклянись, что никому ничего не расскажешь.

– Чего не расскажу? – удивился Толендаль, обнимая Натили, но та отстранилась.

– Клянись.

– Ну, клянусь. А что ты хочешь мне рассказать?

Вместо ответа девушка взяла его за руку и повела к берегу лагуны, но не к тому месту, где они всегда купались, а подальше, метров за пятьдесят. Здесь начинался абсолютно голый участок рифа, на котором почему-то ничего не росло. У Франсуа он вызывал странные ассоциации с крылом летающего динозавра, облепленного кораллами и утонувшего в известняке.

Девушка прыгнула с голой плиты «крыла» на песок берега, повернула вдоль него и остановилась напротив двух гладких бугров с рисунком рытвин и каверн, похожих издали на лоб гигантского слона. Но это оказался не слон. Толендаль прыгнул на песок, подошел к Натили и, холодея, принялся разглядывать то, что считал известняковой плитой, напоминавшей крыло древнего ящера.

¹ Авун – друг, брат (на языке эроманга) .

Перед ним, погруженный в коралловый массив атолла, лежал скелет гигантского существа, похожего на океанского ската – манту. Судя по величине лобной части с буграми для глаз, похожими на надбровные дуги человеческого черепа, и костяных пластин, образующих «крыло», размах плавников «манты» должен был достигать никак не менее сотни метров, а толщина ее тела превышала рост человека раза в три.

– Святая дева! – пробормотал Франсуа с дрожью в голосе. – Неужели это... скелет?! Или все-таки улыбка природы, соорудившей такую скульптуру?

– Это еще не все, – тихо сказала Натили, покачав головой. – Идем, покажу.

Они спустились к самой кромке рифа, резко обрывавшегося в глубину, что Толендаля удивило: обычно берег рифа уходил под воду лагуны плавно, а сама лагуна была мелкой, с глубинами в центре не более десяти-двенадцати метров.

– Смотри. – Натили наклонилась и звонко шлепнула ладошкой по воде, отступила на шаг.

Заинтригованный Франсуа вгляделся в прозрачный слой воды, такой прозрачный, что даже в трех десятках метров были видны на дне лагуны камешки, раковины и снующие взад-вперед рыбки. Сначала он ничего не увидел, кроме медленно надвигающейся на песок тени. Потом понял, что из глубин лагуны поднимается и приближается к берегу почти невидимое на фоне подводного мира плоское животное, похожее на гигантскую камбалу... или на ската с размахом плавников около десяти метров. Затем на передней части тела этой невероятной рыбы открылись щели, и на лейтенанта глянули внимательные янтарно-прозрачные, длинные, с вертикальным, как у кошки, зрачком глаза. Судорожно цапнув с пояса воображаемый пистолет, Толендаль отступил назад, но остановился, расслышав тихий смех подруги.

– Кто... это?! – прошептал он.

– Это Ифалиук, – ответила Натили. – Бог лагуны Муруроа. Молодой бог. Старый – вот он, сзади тебя. По легендам полинезийцев, он упал с неба много-много лет назад и разбился на тысячу кусков, каждый из которых стал островом.

Франсуа, неотрывно глядя в глаза рассматривающего его, в свою очередь, из-под воды монстра, проглотил горькую слюну.

– Святая дева! Эта тварь действительно похожа на манту, разве что больше ее... Откуда она здесь появилась, на секретном полигоне?

– Моя подруга Туэма говорит, что Ифалиук возродился, чтобы очистить лагуну и запретить французам ядерные испытания. А появился он год назад. Туэма увидела его, когда он был совсем крохотный, величиной с краба, и не мог выбраться из какой-то щели под водой у берега. Она ему помогла, думая, что это маленький краб.

Толендаль, преодолев неуверенность, приблизился к воде, чтобы рассмотреть поближе чешуйчато-перламутровое тело «бога лагуны», и отпрянул, потому что на него вдруг обрушилась волна воды, окатила с ног до головы. Когда он протер глаза, воды лагуны были прозрачны и чисты, Ифалиук – гигантский океанский скат – исчез.

– Ты ему понравился, – засмеялась Натили. – В следующий раз попросим его, чтобы он покатал нас на спине. Знаешь, он может превращать ракушки и камни в странные предметы. Хочешь, покажу?

Не оглядываясь, она побежала по песку вдоль берега обратно к их «зеленому раю» и остановилась у живописных коралловых столбов, образующих нечто вроде маленькой пещерки. Скрылась в ней и тотчас вернулась, держа на ладонях необычного вида и цвета кораллы. Впрочем, не кораллы. Один был похож на друзу золотых кристалликов в форме игл и шипов, второй – на удивительное сочетание жемчужных колокольчиков.

– Это были раковины мидий. Только они становятся все меньше и меньше, словно испаряются. И холодные – как лед!

Франсуа осторожно взял в руки творения «бога лагуны» и едва не выронил, такие они были тяжелые и холодные. Руки свело. Он бросил «мидии» на песок, не отвечая на удивленный взгляд девушки.

– Не трогай их... они... опасны. Я чувствую исходящие от них... токи.

– Но мне они не принесли вреда. Ифалиук не может сделать ничего дурного людям. Я же говорю, он хочет очистить лагуну.

Что-то щелкнуло в памяти Толендаля. Он вспомнил разговор инженеров-дозиметристов, обслуживающих полигон. Год назад они отметили резкое падение уровня радиоактивности вод лагуны, не объяснимое никакими природными процессами. И год назад здесь появился этот Ифалиук... Совпадение?

– Кто-нибудь знает о вашем «боге»? Ах, да... твоя подруга. А еще?

– Никто. Ифалиук сторонится людей. Но он все понимает, только не разговаривает. В следующий раз ты сам убедишься в этом.

Франсуа, задумчиво глядя на безупречную, без единой морщинки, гладь лагуны, кивнул. Он был заинтригован и взволнован, но так как долго не мог думать о чем-то серьезном, то вскоре забыл обо всем, растворившись в буре страсти и нежности, которую представляла собой Натили.

* * *

Материал, из которого состоял скелет взрослого «бога лагуны» Ифалиука, напоминал расплавленную кремнийорганику, то есть песок, но был гораздо прочнее. В этом Толендаль убедился, пытаясь отломать хотя бы кусочек скелета, чтобы сделать пробу. Ни нож, ни ломик, ни другой металлический инструмент не оставляли на скелете даже следа. Материал не крошился, не плавился от огня и выдерживал удар пули из армейского пистолета – лейтенант имел штатную девятимиллиметровую «беретту» модели 92 SF.

Приунывший было Толендаль затем взялся очистить скелет Ифалиука, но не преуспел и в этом, так как тело «бога лагуны» тянулось вдоль рифа не меньше чем на двести метров и уходило куда-то в основание атолла. Зато Франсуа удалось очистить от кораллов часть внутренней полости скелета, и он подолгу бродил по этим причудливым лабиринтам, образованным перепонками, паутиной тяжей, «сталагмитов» и «сталактитов» из красивейшего, играющего жемчужными оттенками перламутроподобного материала. Назначение левиафана выяснить не удалось. Не верилось даже, что когда-то это было живое существо. Однако детеныш «бога лагуны», Ифалиук-младший, развеивал сомнения своим существованием и рос как на дрожжах. При первом знакомстве Толендаль оценил размах его плавников примерно восемь-десять метров, а уже через полторы недели к ним приплыл пятнадцатиметровый гигант, с трудом уместившийся в бухточке возле «зеленого рая». Видимо, преодолеть риф и уйти в океан «малыш» не мог и спасала его лишь небольшая – по сравнению с диаметром корпуса – метровая толщина: тело Ифалиука было плоским как блин, каким и должно быть тело ската. Однако в последнее время Толендаль начал сомневаться, что это скат. Ни одна океанская манта не достигала таких размеров – это раз, и ни одна манта не вела себя так, как Ифалиук. К тому же и форма тела «бога лагуны» начала отличаться от формы манти, особенно отросшими рогами впереди головного вздутия и бахромой шипов вокруг всего «плавника». Ифалиук сверху теперь напоминал скорее бабочку со сросшимися крыльями, в точности копируя форму скелета прародителя, уснувшего на рифе вечным сном.

Натили не мешала экспериментам Франсуа, только стала задумчивой и грустной.

– Мне его жаль, – призналась она как-то в ответ на вопрос, в чем дело. – Скоро он станет слишком заметен, и тогда за него возьмутся ваши вояки.

Франсуа промолчал. «Вояки» в лице начальника полигона генерала Луи Рене уже приказали исследовательской бригаде выяснить причины изменения радиационного фона лагуны, а это означало, что рано или поздно катера исследователей или охраны наткнутся на Ифалиука. Чем закончится контакт с ним, приходилось только гадать.

В городке инженерного корпуса, где располагалась казарма службы охраны и где жили все офицеры полигона, была неплохая библиотека, постоянно пополняемая комендантом гарнизона. Толендаль, не имевший особых познаний в области океанологии и биологии морских животных, проштудировал все книги и журналы, имеющие к этому делу хотя бы косвенное отношение, однако описания чудовищного ската, обитающего в лагуне, не нашел. В природе таких монстров явно не существовало. Таким образом, легенда полинезийцев об «упавшем с неба боге» могла оказаться близкой к истине. В космосе такие исполины вполне могли жить и плодиться, а в том, что один из них упал на Землю, в принципе не было ничего удивительного.

Франсуа поделился своей гипотезой с Натили и нашел понимание. Натили была девушкой романтической, современной и отнюдь не наивной, несмотря на цвет кожи и островную родословную меланезийских племен, а главное, она была хорошо образованной и любила не только смотреть ночью на звезды, но и читать материалы о тайнах космоса. Поэтому она понимала своего друга больше, чем он сам.

Ее слова о чудесных способностях Ифалиука превращать раковины в странные скульптуры оказались правдой. Толендаль дважды убеждался в этом, поражаясь чуду превращения до дрожи в спине. Происходил весь процесс так.

Натили вызывала Ифалиука звонким шлепком ладони по воде, а когда тот всплывал, подходила к нему и клала предмет испытаний на отсвечивающую тусклым золотом чешуйку между рогами «ската». В первый раз она положила просто обломок коралла, и тот на глазах потрясенного лейтенанта превратился в удивительный перламутровый сосуд с винтовыми «ручками». Во второй раз Натили не пожалела заколки для волос, а Франсуа добавил свой офицерский кортик.

Результат превзошел все ожидания. Заколка превратилась в невероятной красоты серебристую «розу» с тысячей лепестков, а кортик – в странный черный, с фиолетовым и красным отливом «бумеранг», похожий чем-то и на старинный дуэльный пистолет. В отличие от шелковистой и теплой на ощупь «розы», он был шершавым, тяжелым и невероятно холодным, так что удержать его в руке долго было невозможно. Таким он оставался и много дней спустя.

Убедился Толендаль и в том, что «бог лагуны» понимает людей. Во всяком случае, Натили он понимал, а та, по ее словам, чувствовала, о чем он думает.

– Он такой одинокий! – сказала девушка однажды, после очередной встречи с «малышом». – Можешь мне не верить, но я знаю, что его отец или мать, – Натили указала на плиту скелета за спиной, – когда-то жили в космосе... свободно летали... причем не одни.

– С другими такими же гигантами? С семьей, что ли?

– Нет, их было четверо... все разные... не знаю, как сказать... непохожие друг на друга. Но неотделимые. Понимаешь? Они могли жить и врозь, но летали только вместе.

– Это называется – симбиоз, – догадался Толендаль. – А как выглядели его приятели-симбиоты?

– Не знаю, Ифалиук пытался мне показать... Не смейся, я правду говорю, – рассердилась девушка. – Когда я смотрю в его глаза, я вижу разные картины. Но я не поняла, что он мне показал.

– Может, в другой раз. – Франсуа перестал улыбаться, вдруг сообразив, что все слова девушки всегда правдивы. – А мне он может показать? Поговорить со мной?

Натили задумчиво посмотрела на открытое лицо лейтенанта с ямочкой на подбородке и улыбнулась.

– Ты добрый, может быть, он с тобой и заговорит.

Франсуа мгновение смотрел в ее глаза, потом подхватил на руки и закружил, целуя, пока они не упали на песок, не разжимая объятий. Потом, спустя час, утомленный солнцем и ласками, он прошептал ей на ухо:

– Один философ говорил, что в мире есть лишь два чуда: звездное небо над головой и красивая женщина. Но он был не прав.

– Ты хочешь сказать, что их три? Небо, женщина и Ифалиук?

Франсуа засмеялся.

– Нет, чудо лишь одно – это ты! Остальное – твоя свита...

* * *

Научно-исследовательский корпус полигона насчитывал всего сорок человек, большинство из которых были инженерами-энергетиками и инженерами по обслуживанию оборудования. Но работали здесь и биологи-биофизики, и геологи, и физики, естественно – военные, состоящие в штате министерства обороны Франции. Среди физиков наиболее известен был доктор Морис Леко, полковник по званию, отличный экспериментатор и практик, а также теоретик, разработчик идеи ядерной накачки. Он первым обратил внимание на изменение среды в лагуне, повлиявшее и на очередной эксперимент – взрыв ядерного устройства в глубинах атолла мощностью в пятьдесят килотонн. Результаты взрыва не соответствовали расчету и компьютерному прогнозу, что привело Мориса Леко в состояние горестного недоумения и глубокой задумчивости.

Думал полковник долго, двое суток, а потом собрал начальников лабораторий и высказал родившуюся гипотезу:

– Одно из двух: либо происходит утечка радиоактивных материалов взрыва в полость под атоллом, о которой мы ничего не знаем, либо в лагуне появился фактор, изменяющий параметры среды в сторону уменьшения радиоактивности, а также демпфирующий колебания атолла после взрыва. Вторая часть гипотезы предпочтительней, поэтому необходимо срочно начать комплексные исследования лагуны и рифа. Для этого мы подключили весь воинский контингент полигона, согласие генерала я уже получил.

Дискуссию, возникшую после этих слов начальника исследовательской бригады, мы опускаем, она интересна только специалистам. Зато приведем высказывание одного из молодых биологов морской лаборатории Андре Леблана. Он сказал, что в лагуне прячется некое животное, подобное лох-несскому чудовищу, которое и влияет на среду, поглощая радиацию.

Биолога высмеяли, потому что на вопрос: видел ли он это животное? – он ответил отрицательно.

Но совсем не до смеха было лейтенанту Франсуа Толендалю, когда его вызвал командир батальона охраны и приказал участвовать в барражировании вод лагуны на катере с ультразвуковыми радиолокаторами.

– Зачем? – спросил лейтенант, уже догадываясь, в чем дело.

– В лагуне прячется Несси, – ответил бравый майор, всего на четыре года старше лейтенанта. – Объявлен его розыск. Кто найдет первым – получит звезду и повышение по службе.

Повышение весьма интересовало Толендаля, однако в этот раз он ничего не сказал своему командиру. Не потому, что боялся взыскания за укрывательство «бога лагуны», а вследствие торжественного обещания своей подруге, что никому ничего не расскажет ни под каким предлогом.

Поиски Несси-второго, как в шутку прозвали морские пехотинцы неизвестного «похитителя радиации», ни к чему не привели. За трое суток катера с вооруженными до зубов служителями полигона избороздили всю акваторию лагуны, обошли даже кругом весь атолл, но ни одного живого объекта размером более двух метров, кроме разве что местных акул, не обнару-

жили. Морские пехотинцы обшарили также и весь риф, побывав в «райском уголке» Франсуа и Натили, однако на скелет старого Ифалиука не обратили внимания, а в заливчике, где прятался Ифалиук-младший, лишь искупались, со смехом вытащив из воды забытые Толендалем резиновые шлепанцы.

На этом история первых поисков чудовища закончилась. Но ненадолго. Спустя неделю после этого чиновники в далеком Париже решили еще раз нарушить мораторий на атомные испытания, плюнув на мировое общественное мнение, и полковник Леко приступил к организации эксперимента, призванного уточнить параметры нового французского ядерного лазера – грайзера.

Взрыв мощностью в десять килотонн встряхнул атолл на уровне одного балла по шкале Меркалли, хотя ожидалось три-четыре единицы, но самое главное – он не вызвал обычную фосфоресценцию воды над эпицентром, что было уж и вовсе удивительно. И тогда полковник вызвал из столицы коллег-физиков и роту быстрого реагирования со спецоборудованием, чтобы разобраться наконец с таинственными процессами на Муруроа.

Толендалю заботы полковника-физика волновали меньше всего, однако и он заинтересовался последствиями вмешательства Ифалиука в дела полигона. Лейтенанта волновали два вопроса: как «бог лагуны» влияет на ядерный взрыв и зачем ему это нужно? Вопросы типа: откуда в действительности оказались на атолле Ифалиуки – старший и младший? К какому семейству фауны земного шара они относятся? – Франсуа себе задавать перестал.

Но все закончилось не так, как он себе рисовал и как рассчитывала Натили, загоревшаяся идеей выпустить «бога лагуны» в океан. Толендалю выследил его же приятель, тоже лейтенант, Симон де Буангвиль, завидовавший Франсуа по части успехов у женщин. Коренастый, широколицый, волосатый, с утиным носом, он не был красавцем и потому всегда оставался в тени своего веселого и красивого сослуживца.

Выследив лейтенанта с Натили, Буангвиль тотчас же доложил о том, что видел, командиру батальона, и в тот же вечер Толендаль был вызван к высокому начальству, то есть к полковнику Леко.

Морис Леко был худ, сед, широколиц, морщинист, с глазами навывкате, с виду высокомерен и сердит, но вел себя доброжелательно, по-отечески.

– Ну-ка, лейтенант, расскажите подробней, что вы делали сегодня на рифе? – сказал он, излучая добродушие, хотя было видно, что улыбаться он не умеет.

– Купался, – пожал плечами растерявшийся Толендаль. – Встречался с... э-э... с девушкой.

– Это я знаю, – отмахнулся полковник; в его кабинете работал кондиционер, и прохладная струя приятно овеивала лицо лейтенанта. – С кем вы встречались еще, кроме девушки, мон шер ами?

Франсуа понял, что его выдали. Кто это сделал, было уже неважно, хотя лейтенант с удовольствием поговорил бы с этим человеком.

– Э-э... месье полковник, видите ли...

– Короче, лейтенант! – Морис Леко перестал излучать добродушие. – Что за животное вы подкармливаете? Дельфина? Акулу? Черепаху? Краба?

– «Бога лагуны».

– Кого?! – Брови полковника полезли на лоб.

– Видите ли, господин полковник... – Франсуа вдруг понял, что надо говорить правду. – Среди аборигенов бытует легенда, что много миллионов лет назад в океан упал бог Ифалиук. От него якобы образовались острова. А в лагуне живет потомок этого бога...

– Вы в своем уме, лейтенант? Что за чушь вы несете!

Толендаль вытянулся.

– Скорее всего это лишь легенда, господин полковник, но этот экземпляр манти очень велик и...

– Вы хотите сказать, что подкармливаете океанского ската?! Но как он оказался в лагуне?

– Не знаю, – честно ответил Толендаль.

Полковник нажал клавишу селектора, сказал в микрофон:

– Майор, катер мне и отделение охраны. – Встал из-за стола. – Пойдемте, покажете мне своего ската.

– Но я не... понимаете... не знаю... – растерянно залепетал Франсуа. – Он просто так не... я не смогу...

– А кто сможет? Эта ваша подружка, медсестра? Мы прихватим ее с собой. Поехали.

Толендаля усадили в катер, а через десять минут туда же доставили Натили. Девушка ничего не понимала, и Франсуа коротко поведал ей о том, что их кто-то выследил и рассказал обо всем начальству.

– Я знала, что этим все закончится, – прошептала Натили, зябко кутаясь в накидку.

К «райскому уголку» добирались более коротким путем, нежели это делали влюбленные, – со стороны ближайшей протоки. Шел уже десятый час вечера, солнце зашло за горизонт, но было еще довольно светло. Вышли к берегу заливчика: Натили, Толендаль, полковник Леко и трое «дубленных загривков» – бойцов морской пехоты, вооруженных автоматами.

Натили склонилась над водой и дважды звонко шлепнула ладошкой по зеркальной водной глади, выпрямилась. Потянулись минуты ожидания.

– Ну? – жестяным голосом произнес Леко.

– Он вас боится, – тихо сказала девушка.

Полковник фыркнул, подумал немного, жестом отослал солдат в заросли кустарника, отступил на несколько метров сам. Натили снова подала сигнал вызова.

Ифалиук показался минут через пять.

Воды лагуны вдруг изменили цвет, в их глубине появилась серебристая полоса, и к ногам девушки приблизился боковой шипастый плавник «бога лагуны». Волна воды, шипя, выплеснулась на берег.

– Он сердится! – вполголоса произнесла Натили.

– Почему ты так думаешь? – понизил голос и Франсуа.

– Он повернулся боком... это плохой признак.

Еще одна волна обдала ноги стоящих на берегу. Ифалиук шевельнулся, разворачивая свое плоское, ставшее уже двадцатиметровым в поперечнике, тело. На людей из-под воды уставились удивительные глаза жителя океана, полные нечеловеческой меланхолии, ожидания, недоверия и укоризны.

– Пресвятая Мария! – пробормотал из-за кустов полковник.

В то же мгновение вал воды обрушился на песок, сбивая с ног лейтенанта и девушку, а когда они встали, залив был уже пуст. Ифалиук ушел. Но Толендаль понимал, что уйти ему дальше лагуны некуда и, как бы хорошо он ни маскировался, люди его все равно найдут.

* * *

Лейтенант оказался прав.

Ифалиука отыскивали уже на следующее утро с помощью лазерных и ультразвуковых радаров. Прятаться особенно ему было негде, глубины лагуны не позволяли это сделать, и, несмотря на великолепные возможности океанского ската-мутанта Несси-второго – именно так его принято было называть – маскироваться, менять окраску и рисунок тела, «бог лагуны» не смог скрыться от бдительных глаз наблюдателей, знавших, что именно надо искать.

Однако особенного ажиотажа находка Несси-второго не вызвала. Военные, конечно, подивились размерам ската, биологи тут же разработали план его изучения, но дальше Муру-роа, на который журналисты не допускались, новость не ушла. А поскольку исполинский скат вел себя мирно, то и военные вскоре перестали обращать на него внимание, занятые своими более важными делами. Тем более что обмеры полевой обстановки вокруг ската показали полное отсутствие каких-либо радиоактивных или электромагнитных излучений. Равно как и вредных химических веществ. Скат был абсолютно стерилен, более чем обработанный в пламени и вакууме ланцет.

Все это время – около полутора недель, пока велись исследования «бога лагуны», – Толендаль почти не встречался со своей возлюбленной. Участия в исследованиях он не принимал, но сопровождал катера с учеными в качестве «крестного отца» Несси-второго. Однажды его попросили вызвать ската на поверхность, чтобы тот всплыл. Франсуа отказался, и его на двое суток посадили на гауптвахту, если можно было гауптвахтой назвать отгороженный кусок рифа с одной-единственной пальмой. Выпустив, его снова попросили вызвать Несси-второго, и Толендаль согласился. Однако у него ничего не вышло, «бог лагуны» не хотел подниматься из пятиметровых глубин лагуны, где в неподвижности лежал на дне все это время. Не поднялся он и на сигналы Натили, которую заставили повторить вызов.

Тогда Толендаля и девушку оставили в покое, а через несколько дней сняли осаду и вокруг Несси-второго, подростка за этот срок еще на несколько метров в диаметре.

Но Ифалиук заставил обратить на себя внимание сразу после очередного ядерного взрыва. Вернее, после провала испытаний, повергшего в шок полковника Леко.

Скважину для испытаний готовили давно, она была одной из самых коротких скважин – глубиной всего в сорок девять метров, но и взрывное устройство готовилось малой мощности, эквивалентом до одной килотонны. И оно не сработало! Точнее, взрыв произошел всего лишь в одну десятую расчетной мощности, что никоим образом не влезало в рамки теорий. А повышения радиоактивного фона не произошло даже на глубине сорока метров, что и вовсе невозможно было объяснить теоретически. Не смог этого сделать и полковник Леко, устроивший дискуссию между прибывшими из столицы физиками, среди которых был известный физик-ядерщик, доктор наук, профессор Жан Кюри, правнук знаменитого Жолио Кюри.

– Этого не может быть! – заявил профессор Кюри, надменность и высокомерие которого были известны далеко за пределами Франции. – Ядерная реакция, реакция распада урана и плутония – не реакция горения, то есть обыкновенного окисления с выделением тепла, ее нельзя уменьшить поворотом ручки, как пламя газовой горелки на плите. Должна распасться вся масса образца!

– Факт налицо, – буркнул Леко, принимавший делегацию физиков у себя в кабинете спартанской обстановки. – Впечатление такое, будто реакция, начавшись, тут же прекратилась. Прореагировать успела лишь одна десятая массы заряда.

– Но это же нонсенс! Какое чудо помешало взорваться всему заряду?

Полковник помолчал.

– В чудеса я не верю. Должен существовать конкретный виновник происшествия. Его надо найти. Думайте.

Профессор Кюри задрал голову, глянув на полковника из-под очков, сразу став похожим на верблюда. Сказал назидательно:

– Американец Сэм Клеменс ² как-то сказал: «Разница между чудом и фактом точно равняется разнице между тюленем и русалкой». Если вы найдете виновника, то я поверю в русалок.

– А я уже, кажется, нашел.

² Настоящее имя Марка Твена.

– Неужели?

– Несси-второй! – воскликнул, не сдержавшись, один из физиков – старожилы полигона. – Эта зверюга появилась здесь аккурат в то же самое время, как на полигоне стали происходить странные вещи.

Профессор Кюри вопросительно глянул на хозяина кабинета.

– Несси-второй? Это еще что за зверюга?

– Гигантский скат-мутант, родственник океанской манти.

Полковник вкратце ввел коллегу в курс дела, и тот, по привычке изображать скепсис, скривил губы, чтобы произнести одну из своих сентенций. Но не успел. Издалека, с другого края лагуны, донесся тяжкий удар. Вздрыгнул пол здания, как после очередного испытания.

– Черт! – сказал профессор, прикусив язык. – Эт-то еще что такое?!

Леко снял трубку селектора, выслушал объяснение помощника, бросил трубку на рычаг.

– Господа, у нас действительно есть кому предъявить претензии. Только что наш друг Несси-второй выпрыгнул из воды и накрыл катер с контейнером урана-237! Шлепок его тела о воду вы только что слышали.

Изумленная тишина была полковнику ответом.

* * *

Новый всплеск интереса к Ифалиуку изменил статус лейтенанта Толендаля. Он стал главным посредником контакта между командованием полигона и «богом лагуны» Несси-вторым. Миссия его началась сразу же после того, как гигантский монстр, которого продолжали считать скатом-мутантом, второй раз прыгнул на катер, перевозивший заряды с ядерным топливом – ураном и плутонием – к местам его загрузки в шахты и скважины. Тут даже у самых спокойных воинских начальников лопнуло терпение, и началась охота за Несси-вторым... закончившаяся полным провалом.

Уничтожив контейнеры с ядерными зарядами без следа, скат улегся на дно лагуны и не ответил ни на один призыв рассерженных людей, доводы которых имели не очень широкий спектр – от сбрасывания на тело Несси-второго многотонных глыб известняка до выстрелов из базук. И ни то ни другое не возымело на гиганта никакого действия.

Побоявшись применить более мощные средства «контакта» – глубинные бомбы и торпеды, командир полигона генерал Рене вызвал начальника исследователей полковника Леко и приказал ему найти средства избавить территорию полигона от агрессивного монстра. Полковник ответил «слушаюсь!» и после недолгих размышлений вызвал к себе лейтенанта Толендаля. Так началась «коммуникационная эпопея» Франсуа, думать не думавшего, к чему приведет его знакомство с красавицей-меланезийкой Натили Нэсок.

– Я не знаю, как вам это удастся, – сказал ему полковник, – я имею в виду вашу связь с этим динозавром в лагуне. Но вы должны со своей девицей наладить с ним контакт и заставить не трогать наши... э-э... военные грузы.

– Я не уверен, что мы сможем внушить ему...

– На всю операцию я отвожу вам два дня. Если вам не удастся уговорить этого вашего «бога лагуны», – начальник исследователей усмехнулся, – я прикажу разбомбить его.

– Но, может быть, не стоит?.. – робко запротестовал Толендаль.

– Идите.

Через час Франсуа гнал катер к тому месту, где, по данным наблюдателей, спал на дне лагуны Ифалиук, не предполагавший, какая участь ему уготована. На корме катера сидела, обхватив колени руками, задумчиво притихшая Натили.

Они почти не разговаривали. Девушка все хорошо понимала и не возражала против участия в контакте, хотя сомневалась, что им удастся найти взаимопонимание с хозяином лагуны.

Катер остановился, перестав скользить по воде. В ухе Франсуа пискнула рация:

– Вы остановились почти над ним. Действуйте, лейтенант. С нами бог!

– Это уж точно, – проворчал молодой человек. Оглянулся на девушку. – Ну что, Тили? Пора?

Натили кивнула, перегнулась за борт, вглядываясь в воду.

– Ничего не вижу.

– Он отлично камуфлируется, ты же знаешь.

– Там две акулы... рыбы...

– Акулы Ифалиука не боятся.

Девушка подождала, пока проплывут небольшие, с метр длиной, акулы, и звонко шлепнула по воде ладонью. Франсуа представил себе, как за ними сейчас наблюдают в бинокли и морские дальномеры со всех сторон, и ему стало неудобно.

Прошла минута, другая... пять минут, десять. Ни одного движущегося объекта в толще воды, кроме стайки рыбешек.

– Может, он боится катера?

Натили сняла яркий сарафан, скользнула за борт. Франсуа, подумав, сбросил мундир и поплыл за ней. Отплыв около двадцати метров от катера, девушка повторила вызов.

Громада Ифалиука поднялась со дна через две минуты, подняла на себе людей. Франсуа впервые ощутил кожей ног и рук тело «бога лагуны». Оно не было ни шероховатым, ни скользким, ни теплым, ни холодным, оно было твердым. И еще оно рождало ощущение нездешности, чужеродности, непривычности, прикосновения к нечеловеческим тайнам бытия.

Унимая дрожь в коленях, Толендаль двинулся по бугристо-волнистому телу по щиколотку в воде туда, где располагалась «голова» Ифалиука, его лобное вздутие с рогами и глазами. Встретив взгляд существа, он вздрогнул и остановился за спиной замершей Натили.

Девушка присела на корточки и ласково погладила чудовищное животное «по лбу», заговорила с ним на меланезийском языке. Ифалиук молча смотрел на нее, изредка пошевеливая плавниками, словно понимая, о чем идет речь, хотя вряд ли он имел уши, подобные человеческим.

Девушка выпрямилась.

– Что ты ему сказала? – тихо спросил Толендаль.

– Предупредила, что его хотят убить... если он не уйдет отсюда.

– Ты уверена, что он... услышал?

– Он все понимает, а я понимаю его. И он отсюда не уйдет. Не знаю, почему, но он привязан к этому конкретному месту.

– К этой яме, что ли?

– К острову.

Франсуа скептически покачал головой, отвернулся, не выдерживая странного вопрошающего и отстраненного взгляда исполина. Ему тоже начали мерещиться какие-то полупрозрачные картины, и лейтенант поспешил отогнать их прочь.

– Спроси у него... зачем ему радиоактивные материалы? Что он делает с ураном, плутонием, вообще с радиацией?

– В нашем языке нет таких слов, но я попробую. – Натили снова заговорила с «богом лагуны» на языке эроманга.

Толендаль обвел глазами сверкающую гладь лагуны, кольцо рифа с пальмами, безоблачное мирное небо с раскаленным диском солнца, и на мгновение ему показалось, что все это нереально, понарошку, как декорации спектакля. Потом твердь под ногами шевельнулась и впечатление исчезло. Ифалиук был осязаем и массивен, как сам атолл.

Натили выпрямилась.

– Не знаю, что сказать. Мне показалось...

– Что все это сон? Бред?

– Почему? – Она удивленно оглянулась на друга. – Если я его правильно поняла, он каким-то образом впитывает радиацию...

– Питается или впитывает? Это две разные вещи. Дозиметры молчат, его тело совершенно нерадиоактивно.

– Ну, он ведь не говорит, как люди... Я просто чувствую... – Натили сбилась и рассердилась. – Может быть, и питается.

Франсуа обнял ее за талию.

– Я думаю, ему нужна энергия, ведь он растет. А чтобы питать такую махину, знаешь сколько водорослей нужно? Или рыбы? Чем-то он должен кормиться. А он все время лежит на дне. Но в то же время непрерывно растет. Значит, точно кормится радиацией. Наши высокие умники с ума сойдут от изумления, если это правда.

– Спасибо, лейтенант, за оценку наших умственных способностей, – донесся по радиации сухой голос полковника Леко.

Франсуа прикусил язык, хватаясь за наушник, и в этот момент Ифалиук нырнул.

Нахлебавшись воды, лейтенант и Натили влезли в катер, глянули друг на друга.

– Мы поможем ему? – спросила девушка.

«Как?» – хотел спросить Толендаль, но вместо этого только привлек ее к себе и поцеловал, не стесняясь биноклей и телекамер.

* * *

Еще дважды лейтенант и его подруга пытались уговорить Ифалиука покинуть лагуну или хотя бы не трогать оборудование полигона, но все «переговоры» закончились ничем. «Бог лагуны» Несси-второй выслушивал парламентариев и снова погружался в воду. А сутки спустя неожиданно напал на форт, где хранились образцы радиоактивного грунта, извлеченные из толщи атолла после испытаний, и раздавил бетонное одноэтажное строение, как скорлупу ореха. Через час после этого взбешенный генерал Рене отдал приказ «разнести в клочья мерзкого моллюска», хотя моллюском Несси-второй, конечно, не был. Впрочем, он не был и обыкновенным, пусть и гипертрофированно увеличенным, живым организмом. Потому что ни глубинные бомбы, ни торпеды его не взяли!

Когда взрывы бомб прекратились и осела муть, поднятая со дна лагуны, взорам наблюдателей предстали четыре огромные двадцатиметровые воронки под водой и... ни одного кровавого шевелящегося куска плоти Несси-второго! Нет, он не исчез бесследно – лежал там же, где и прежде, не подавая признаков жизни, не поменяв даже рисунка под цвет дна на верхней поверхности своего тела. Он даже не отплыл в сторону.

Тогда с вертолета огневой поддержки сбросили на него одну за другой две торпеды, способные потопить любой современный крейсер. Результат был неожиданнее и трагичнее.

Первая торпеда взорвалась, вонзившись в бок чудовищного мутанта, ничего ему не повредив, вторая не взорвалась, а затем Несси-второй высунул из воды свои рога, больше напоминающие антенны, и яркой желто-зеленой молнией сбил вертолет. Оба пилота погибли, не поняв, в чем дело, распались на атомы, как и вся грозная летающая боевая машина.

На всех наблюдательных постах, во всех кабинетах с телеэкранами, в кабинах и рубках военных машин и судов установилась тишина. Не веря глазам, летчики, моряки, военные специалисты смотрели на успокоившуюся гладь лагуны и молчали. Затем опомнился начальник полигона, вызывая начальника исследователей:

– Что у вас стряслось, полковник?!

– Он сбил вертолет, – ответил Леко, лихорадочно соображая, что делать дальше.

– Я видел. Но как он это сделал?

– Скаты – электрические существа... – Полковник уцепился за эту фразу, вырвавшуюся помимо воли. – Это был мощный электрический разряд!

– Такой мощности? От вертолета ничего не осталось! Проанализируйте и доложите. Объясняться с центром придется мне.

Морис Леко положил трубку телефона, посмотрел на молчавшего коллегу из Парижского национального центра ядерных исследований, и тот, потеряв свой высокомерный вид, пробормотал:

– Это был не электрический, а плазменный разряд, многоуважаемый коллега! И, по всей видимости, перед нами не манта, не океанский скат, а совершенно неизвестное науке животное. Кто первым наткнулся на него?

– Офицер из бригады охраны, лейтенант Толендаль.

– Вызовите его еще раз, пусть вспомнит какие-нибудь подробности. Может, он не все нам рассказал. У биологов, изучающих его лежище, нет информации?

– Пока кот наплакал. – Полковник вдавил клавишу селектора. – Найдите Толендаля.

Прозвонил телефон рабочей сети. Леко снял трубку, выслушал, встал из-за стола:

– Пойдемте посмотрим.

– Что еще?

– Наблюдатели клянутся, что видели, как вторая торпеда, воткнувшаяся в лоб ската... превратилась в морскую звезду. Сейчас ее вытаскивают на борт.

– Что?!

Полковник вышел, и профессору Кюри пришлось последовать за ним.

Поскольку Несси-второй после уничтожения вертолета переместился чуть севернее прежнего места лежки, катер с высоким начальством не побоялся подобраться к тому району акватории, где на глубине шести с лишним метров лежала торпеда. Вернее, то, что от нее осталось. Трехметровая сигара диаметром в полметра действительно превратилась в странное дырчато-шипастое сооружение, похожее на пятилепестковую морскую звезду багрово-черного цвета.

Со всеми предосторожностями с помощью аквалангистов ее с трудом подняли на палубу сторожевого глиссера, едва не проломив его борт. Теперь бывшую торпеду можно было рассмотреть вблизи и пощупать руками.

– Осторожнее, – предупредил подводник-морпех, руководивший подъемом. – Она теперь весит тонны четыре и очень холодная! Морозит даже сквозь перчатки.

Полковник, уже успевший коснуться шипа «звезды» и получить укол холода, покосился на профессора Кюри.

– Ну, что вы теперь скажете, коллега?

– Не верю! – последовал ответ.

Леко усмехнулся.

– У русских есть хорошая поговорка на эту тему: если на клетке слона прочтешь надпись «жираф», не верь своим глазам³. – Повернулся к помощнику. – Везите ее в лабораторию.

Катер повернул обратно к берегу.

В своем кабинете полковник хлебнул коньяку и приказал доставить к нему лейтенанта Толендаля.

– Рассказывайте все, лейтенант, – сказал он вытянувшемуся перед ним Франсуа. – Я уже понял, что это не скат. Вообще неизвестно, что за животное. Вы знаете, во что оно превратило торпеду?

– Слышал, – осторожно кивнул Франсуа.

– Рассказывайте что знаете.

³ У К. Пруtkова не жираф, а буйвол, полковник слегка подзабыл поговорку.

Франсуа думал недолго. Он понимал, что ему все равно придется сообщить начальству о том, что он видел.

- Я лучше покажу, господин полковник.
- Что вы покажете?
- Это надо видеть. Мне рассказали легенду, и я...
- Легенды меня не интересуют. Меня волнует безопасность полигона.
- Прикажите подать катер.

Леко вытер пот со лба, смерил лейтенанта свирепым взглядом, но говорить больше ничего не стал, только вызвал катер.

Через полчаса они подошли к заливчику напротив «райского уголка», и Франсуа молча показал полковнику и двум его помощникам скелет Ифалиука-старшего. После этого достаточно было один раз поглядеть на лицо начальника исследовательского корпуса, чтобы понять, насколько он потрясен.

* * *

Исследования скелета предка Несси, находка которого породила сенсацию не только на атолле, но и в далеком Париже, велись уже неделю, когда дал о себе знать Несси-младший.

Так как мировое общественное мнение продолжало давить на политику Пале-Рояля, недавно плюнувшего на мораторий на ядерные испытания, это заставляло французов спешить с выполнением намеченной программы испытаний. Поэтому взрывы на Муруроа происходили все чаще. На подготовку каждого отводилось не более трех дней, и подчиненные полковника Леко трудились днями и ночами, спеша уложиться в намеченный график.

Очередной взрыв прозвучал спустя шесть дней после неудачного предыдущего, породившего шторм споров среди специалистов своей необычностью и малой мощностью. Испытание прошло успешно, ядерное устройство мощностью в двадцать пять килотонн потрянуло атолл в соответствии с расчетами, и военспецы слегка успокоились. Но уже следующий взрыв снова оказался аномальным. Готовилось испытание стокилотонного заряда, а взрыв оказался сродни пшику – всего лишь в полторы-две килотонны! Почему вдруг прекратилась реакция ядерного распада, не понимал никто из ученых. Грешили на инженеров, неправильно установивших контейнер, потом на аппаратуру инициирования заряда, потом на качество расщепляющихся материалов, но все объяснения удовлетворить Мориса Леко и профессора Кюри не могли. В природе не существовало факторов, способных произвести отсечку основной массы заряда от той, где уже началась лавинообразная реакция ядерного распада. И тогда вспомнили о притихшем Несси-втором, который, как оказалось, перемещался по лагуне не бесцельно, а по определенному маршруту. «Бог лагуны» Ифалиук – так его звали со слов Толендаля – за час до взрыва занимал позицию как раз над подготовленной скважиной. Кроме него, никто не мог вмешаться в эксперимент. Как он это делает – было вопросом второстепенным, хотя Леко и намеревался выяснить это в скором времени. Через лейтенанта Толендаля, естественно, и его подругу Натили.

С этого момента лейтенант вообще перестал нести службу в качестве охранника полигона и стал первым в истории человечества посредником контакта с внеземной формой жизни. Правда, сам он об этом не знал. Истина стала известна позже.

В пятницу двадцать девятого сентября, в самом начале весеннего сезона, мало, впрочем, отличающегося в этих широтах от зимнего или летнего, к атоллу подошли суда всемирно известной организации «Гринпис», что заставило военное командование подтянуть к Муруроа дополнительные силы в виде атомного авианосца «Сен-Жермен». Понимая, что времени у испытателей мало, генерал Рене приказал подготовить и провести испытания оставшихся пяти

зарядов в течение недели. В свою очередь, полковник Леко приказал лейтенанту Толендалю установить с Несси-вторым контакт и уговорить его в конце концов не мешать испытаниям.

– В противном случае мы уничтожим его, – сказал он, понимая, как по-идиотски звучит «уговорить» по отношению к неизвестного вида животному. Добавил: – Если к завтрашнему утру не добьетесь результата, пойдете под трибунал!

– За что?! – растерялся Франсуа.

– Если бы знал за что, я бы вас расстрелял, – ответил по-философски спокойно полковник старым афоризмом.

Выходя из кабинета, Толендаль оглянулся.

– Господин полковник, а как идут дела с исследованием скелета Ифалиука? Меня туда не пускают.

– Нормально, – буркнул Леко, думая о своем. – А вам там делать нечего, вы не специалист.

– Ну, а специалистам удалось взять образцы материала, из которого сделан скелет?

Взгляд полковника прояснился.

– Вы-то откуда знаете о материале?

– Я в свое время пытался взять образец... не удалось.

– Для того чтобы выяснить химический состав материала скелета, не обязательно брать образцы. Для этого есть спектральный анализ, лазерные анализаторы. Но вы правы, по прочности этому материалу нет равных. У вас все?

– А вы не пробовали сравнить характеристики материала скелета с материалом изменившей форму торпеды?

Полковник открыл рот, чтобы послать зарвавшегося лейтенанта куда следует, и закрыл.

– Черт возьми, это хорошая мысль!

– Тогда возьмите для исследования еще и это. – Толендаль выгрузил из кармана на стол полковнику порядком похудевший изогнутый, черно-фиолетовый, с красным отливом предмет, похожий на бумеранг и пистолет одновременно.

– Что это?

– Это когда-то было кортиком. – Франсуа рассказал о своем эксперименте с превращением.

– И вы до сих пор молчали?! – побагровел Леко.

Толендаль выпрямился, злясь на себя, что расхвастался своей осведомленностью и намеками на особое знание, которого у него в принципе и не было. Но полковник тут же остыл, интерес исследователя в нем пересилил амбиции военного начальника.

– Идите, лейтенант, черт бы вас взял! Да, вы все мне рассказали и показали или у вас еще припрятана пара сюрпризов?

– Вы зря не верите в легенду об упавшем с неба божестве, – сказал Толендаль, тут же испугавшись своей смелости. – Может быть, стоит поискать следы Ифалиука не на Земле, а где-нибудь в космосе?

Полковник Леко, откинувшись в кресле, молча разглядывал порозовевшее лицо лейтенанта. Покачал головой, задумался.

– У вас какое образование, лейтенант?

– Технический колледж и школа офицеров.

– Не хотите удариться в науку?

– Никак нет, меесье!

– Жаль. – Полковник вздохнул. – Из вас мог бы получиться неплохой специалист. Идите и помните, что я сказал.

Франсуа молодецки щелкнул каблуками и пошел искать Натили.

* * *

Миссия контактера Толендалю удалась наполовину.

С одной стороны, Ифалиук не отказывался от встреч с ним и с девушкой, с другой – никак не реагировал на призывы не трогать радиоактивные материалы. Натили уверяла, что «бог лагуны» и хотел бы покинуть атолл, да по каким-то причинам не может. Он не только питался радиацией, но и ждал кого-то, и ожидание явно было важнее всего остального.

К концу сентября диаметр исполина достиг сорока пяти метров, а толщина – трех. Он уже не мог подплыть близко к берегу и маневрировал в центре лагуны, выбирая самые глубокие места. Правда, каким-то образом ему удавалось переползать и мели, сокрушая свежие коралловые постройки и старые банки, используемые людьми для бурения скважин.

Третий из оставшихся взрывов военспецы готовили особенно тщательно. Он знаменовал собой окончание серии экспериментов по созданию так называемых «векторных бомб», и результатов испытания с нетерпением ожидали десятки специалистов-ядерщиков страны. Расчетная мощность взрыва была невелика, достигая всего двадцати килотонн, зато информационная весомость ожидалась достаточно большой.

Взрыв прогремел в одиннадцать часов три секунды в воскресенье первого октября. Но, во-первых, как ни следили наблюдатели за передвижением Несси-второго, все-таки не уследили и помешать не смогли: за полминуты до взрыва, когда уже шел отсчет, гигантский скат (пока еще скат) преодолел полкилометра до эпицентра одним прыжком и выполз на риф с бандажом скважины, готовой к испытаниям. Во-вторых, взрыв, рассчитанный с точностью до килоджоуля, неожиданно получился чуть ли не на два порядка мощней!

Казалось, взорвался весь атолл! Он сотрясся до глубин основания, подпрыгнул, упал – и так несколько раз. Вода в центре лагуны сначала вспыхнула нестерпимой голубизной, вскипела, вспучилась горбом, хлынула пятиметровой волной цунами на берег, а потом вдруг образовала гигантскую воронку, хлынув в провал, образованный вылезшей на свет верхушкой подземной ядерной сферы.

Однако скачок радиоактивности был не слишком сильным, что спасло людей на атолле и специалистов на катерах и судах помельче. И все же без жертв не обошлось. Под обломками рухнувших зданий погибли одиннадцать человек, еще шестеро утонули вместе с катером и трое пропали без вести.

Когда землетрясение кончилось, а вода в лагуне успокоилась (в нее через протоки хлынули воды океана и уравнили водоем), взору потрясенных военных предстал почти голый риф Муруроа с разрушенными строениями и поваленными пальмами, а также проступившая сквозь муть гигантская воронка в дне лагуны диаметром в километр и глубиной в сто с лишним метров.

– Пресвятая Мария! – слабым голосом произнес профессор Кюри, обращая бледное лицо к полковнику Леко; оба находились в бункере управления и не пострадали. – Что вы взорвали, Морис?!

– Мы взорвали сенсацию, – нашелся полковник, внезапно охрипнув. – Жильбер, общий внешний фон?

– Ниже нормы, полковник, – отозвался далекий голос руководителя группы дозиметрического контроля. – Сначала была вспышка в пике двух тысяч рентген в точке «ноль», сейчас регистраторы показывают девятьсот миллирентген и наблюдается тенденция к уменьшению.

– Черт знает что! – прошептал один из помощников Леко.

– Это он, – сказал полковник, сильно помассировав себе затылок. – Это Несси-второй, его рук дело.

– Рук?! У него их нет.

– Я образно говорю. Он снова вмешался... абсолютно не понимаю, каким образом! Но уверен, без его вмешательства не обошлось. – Леко подтянул к себе микрофон, глядя на экран телемонитора. – Лесквер, где сейчас этот проклятый урод?

– В воронке, месье.

– Я его не вижу.

– Зарылся в обломки и песок, но хорошо виден в ультразвуке. К тому же он светится в инфракрасном диапазоне, как раскаленный слиток металла.

Леко и Кюри переглянулись.

– Он... поглощает радиацию?! – проблеял профессор.

– Именно об этом я и подумал. Жан, лейтенант прав.

– Какой лейтенант?

– Толендаль, первооткрыватель. Этот Несси-второй, «бог лагуны» или как там еще... Ифалиук – вовсе не океанский скат. Не бывает таких скатов. Он попал на Землю из космоса, теперь я в этом уверен.

– Полковник, с авианосца запрашивают, нужна ли помощь, – повернул голову с наушниками от панели комбайна связи координатор полигона. – И еще эти, с «Гринпис»...

– «Зеленых» пошли к дьяволу, а капитану авианосца скажи, что обойдемся пока своими силами. Пусть лучше отгонит от атолла этих рьяных миротворцев.

– Вас вызывает генерал.

– Иду. – Леко похлопал по плечу профессора Кюри. – Жан, готовьте грудь для ордена. Мы войдем в историю.

Профессор не ответил. Как замороженный он смотрел на экран. Телекамера с катера наблюдателей была направлена на восточную часть рифа, и на экране теперь хорошо был виден колоссальный, двухсотметровый, ажурный, бликующий лазурью и перламутром скелет предка Ифалиука.

* * *

Так лейтенант французского военного контингента на Муруроа Франсуа Толендаль и медсестра полигона Натили Нэсок стали правообладателями грандиозного открытия наравне с полковником Морисом Леко и генералом Рене. Ни у кого теперь не оставалось сомнений, что гигантский скат, получивший несколько имен: полинезийское – Ифалиук, «бог лагуны», и европейское – Несси-второй, – на самом деле пришелец из космоса. Вернее, потомок пришельца, упавшего в океан в незапамятные времена. Почему он родился именно в эту эпоху да еще на территории секретного военного объекта, не знал никто, зато все отлично поняли, что гигант питается радиацией и способен изменять параметры ядерных взрывов и окружающей среды.

Военные попытались было абсолютно засекретить открытие, перекрыть все каналы утечки информации, прекратили даже связь с материком, кроме спецканала, но тайна такой долго не продержалась. Пронырливые молодцы из организации «Гринпис» разнюхали о «космическом пришельце», и сенсация мгновенно пошла гулять по свету, обрастая подробностями и рассказами «свидетелей». Остановить скандал военной верхушке не удалось, и тогда она придумала интересный ход: в центральных французских газетах появилось сообщение министерства обороны об удачно проведенном ядерно-биологическом эксперименте на атолле Муруроа. Якобы в целях изучения воздействия радиации на живые организмы военными специалистами был подвергнут радиоактивному облучению детеныш океанской манти. В результате скат выжил и достиг размеров баскетбольной площадки, а в благодарность за это стал очищать акваторию лагуны от радиации. Да здравствует Франция!

В принципе и это сообщение было сенсацией, но помельче и с иным подтекстом. Шум в газетах всего мира стал стихать. Общественности, занятой собственной проблемой выживания, было не до гигантских скатов, питающихся радиоактивными отходами.

Франсуа Толендаль не читал газет. Все трое суток, отведенных ему на контакт с Ифалиуком, он провел в катере вместе с Натили, пытаясь внушить «богу лагуны» бесперспективность его поведения. Ифалиук дважды всплывал из темных глубин воронки на месте последнего взрыва, выслушивал уговоры Натили и снова опускался на дно. Датчики на катере показывали ноль радиации, Ифалиук уже полностью очистил дно и воду от радионуклидов, радиоактивных шлаков, следов ядерного взрыва, и при мысли о том, что в эпицентре взрыва не выжил бы ни один земной организм, Толендалю становилось не по себе.

– Он не уйдет, – со вздохом сожаления сказала Натили, усаживаясь в шезлонге на корме катера. – Я уже говорила и готова повторить: он кого-то ждет. Может быть, своих соплеменников, может, кого-то еще. И будет ждать до тех пор...

– Пока его не убьют, – закончил Франсуа, откупоривая банку с кока-колой.

– Ему надо помочь.

– Я не возражаю, но как?

– Не знаю. Ты связан со своим боссом, уговори его не убивать Ифалиука. Ведь он ни в чем не виноват.

– Он мешает испытаниям. А последний взрыв вообще вызвал панику среди военспецов и взбесил командование. Генерал Рене человек жесткий и решительный, он ждать не станет. Если Ифалиук снова что-нибудь учудит, на него сбросят атомную бомбу.

Натили помолчала, поправила волосы, отвернулась от солнца.

– Ты до сих пор считаешь, что он пришелец?

– А ты?

– Я давно это знаю. Было бы удивительно, если бы космос не был населен другими существами. Зачем тогда он?

Франсуа в замешательстве посмотрел на девушку. Иногда он забывал, что та закончила университет и была гораздо более образованной, чем ее белокожие ровесницы, не говоря уже о представительницах родного племени.

– Конечно, он неземная тварь, это видно невооруженным глазом. Знаешь, о чем я думаю? Что он нарочно усилил последний взрыв. Он ведь растет и если достигнет размеров своего отца... или кто он там ему – матери, чей скелет на берегу... Понимаешь? Он не уместился бы в лагуне. А так – пожалуйста, получилась неплохая «квартирка».

– Спасибо за идею, – послышался в наушнике голос полковника Леко, который почти постоянно находился на связи.

Франсуа, постоянно забывавший о связи с берегом, сердито выключил рацию, сбросил дугу с наушником с головы, прилег рядом с Натили. Та насмешливо глянула на него, потянулась всем телом, словно дразня наблюдателей, не сводящих с катера длиннофокусной своей оптики и телекамер, и соскользнула в воду. Нырнула, опустилась метров на десять, словно хотела достать дно, перевернулась, раскинув руки, глядя вверх сквозь невероятно прозрачную толщу воды. Франсуа не выдержал и нырнул за ней. Встретившись на полпути, они обнялись и стали целоваться.

Наблюдавший эту картину на экране телемонитора полковник Леко в сердцах выключил монитор.

– Дети, честное слово!

Сидящий напротив прилизанный молодой человек, представитель французской контрразведки, Люк Перри, только что прибывший на атолл, усмехнулся.

– А она ничего, эта аборигеночка.

– Эта аборигеночка закончила университет в Канберре. Но давайте ближе к делу. С чем пожаловали?

– Вы телевизор смотрите? Нет? И радио не слушаете? Как же вы проводите свободное время? Впрочем, это лирика. Читайте. – Сотрудник контрразведки протянул полковнику дискету.

Пожав плечами, Леко вставил дискету в дисковод компьютера, и монитор развернул на экране текст сообщения о появлении на территории атомного полигона США в Неваде странных существ, так же поглощающих радиацию, как и Несси-второй на Муруроа. Внимательно рассмотрев фотографию жуткого динозавроподобного монстра, Леко выключил компьютер, побарабанил пальцами по столу.

– Вы думаете, они как-то связаны? Наш Несси и эти металлические красавцы?

– Я ни о чем не думаю, это вы должны мне сказать, связаны эти уроды с вашим суперскатом или нет. К тому же у нас имеются сведения, что у русских тоже появился некий живой феномен, связанный с радиацией.

Леко оживился.

– Под Семипалатинском, на их полигоне?

– Нет, в районе Чернобыля, где у них взорвалась атомная электростанция. Но эта информация в отличие от американской русскими полностью засекречена.

– Насколько я знаю географию, Чернобыль располагается на территории Украины, недалеко от Киева. Так что секретили информацию украинцы.

– Все равно они одним миром мазаны, – флегматично заметил Люк Перри. – Мы, конечно, работаем и там, но точных сведений пока мало. Если что-нибудь выясним, я вам сообщу. Как продвигается контакт с вашим Несси-вторым?

– Вы же видели, – кивнул на монитор полковник. – Никак. Похоже, эта сволочная зверюга хоть и понимает посредников, Толендаля и девицу, но не слушается. Официальный Париж молчит, а чиновники из минобороны требуют побыстрее закончить программу испытаний. А как тут закончишь, если эта тварь не дает проводить испытания?

– Уничтожьте его.

– Пробовали. Глубинные бомбы и торпеды ската не берут. А использовать игрушки помощней опасно, повредим готовые скважины.

– Попытайтесь заблокировать его. Он сидит сейчас в воронке? Окружите ее катерами с торпедными установками и ракетными системами и, как только он в момент испытания попытается выйти, обстреляйте торпедами и ракетами.

– Мысль неновая, да и опасная. – Леко скептически скривил губы. – К тому же ракеты и торпеды вряд ли его удержат на месте. И все же спасибо за совет, мы им воспользуемся.

– А что там за алхимию продемонстрировал ваш подопечный? – Люк Перри пересел так, чтобы струя воздуха из кондиционера дула ему в лицо. – Мне сказали, что скат якобы превращает предметы в интересные штуковины из платины и золота.

– Если бы из золота, – усмехнулся полковник, доставая из ящика стола изогнутый черно-красный «бумеранг» и передавая контрразведчику. – Это бывший офицерский кортик. И материал его не золото или платина, а некий быстро испаряющийся композит с вкраплениями рения, осмия, гадолиния и ряда редкоземельных элементов. Ему цены нет! Но, боюсь, через пару недель он испарится.

Перри повертел в руках тяжелый, холодный, шершавый на вид «бумеранго-пистолет». Положил на стол, озабоченно потирая занемевшую руку.

– Какой-то он... неудобный. И что это, по-вашему, означает?

– Это означает, господин майор, что мы имеем дело с холодным термоядерным синтезом на уровне кварковых преобразований. Что, в свою очередь, означает, что Несси прибыл к нам из областей космоса, где жизнью управляют иные законы.

Вряд ли контрразведчик понял речь военного специалиста-физика, но на всякий случай сделал глубокомысленно-изумленный вид.

* * *

Толендалю и Натили не удалось уговорить «малыша» Ифалиука, диаметр которого достиг восьмидесяти метров, покинуть лагуну. Он не отреагировал даже на угрозы уничтожить его в случае вмешательства в дела военных на полигоне.

День спустя повторилась история со взрывом, подобная предыдущей.

Несмотря на блокаду воронки, где отсиживался Несси-второй, ровно за полминуты до взрыва многотонный гигант вырвался из кольца, не обратив никакого внимания на ракетный огонь и торпедные залпы, преодолел километр двести сорок метров до очередной «нулевой точки» со скважиной и прыгнул на риф с запорным устройством скважины. Остановить испытание не успели. А взрыв произошел мощностью не в пять килотонн, как рассчитывали специалисты, а в сто пятьдесят!

Однако на этот раз землетрясение было не очень сильным, а ударная волна отсутствовала вовсе. Впечатление складывалось такое, будто взрыв произошел в «подушке» из вакуума, а не в твердом известняковом теле атолла. Но воронка в дне лагуны образовалась не меньше, чем в предыдущем случае. Несси-второй, расширив свою «квартиру», нырнул в воронку, когда она заполнилась водой, и в течение часа очистил ее от ионизации и радиоактивности, словно гигантский пылесос. Хотя никто из ученых не мог объяснить, каким образом гигантскому животному удастся «засасывать» жесткую гамма-радиацию, альфа- и бета-излучение, ионы и осколки радиоактивных ядер. Его деятельность подтверждала мнение молодых биофизиков, что Несси-второй питается радиацией. Одно только это выдвигало ската-мутанта в интереснейший объект исследований, затмевающий любые другие по важности и значимости, но французский «пентагон» – министерство обороны – требовал немедленно закончить намеченный план испытаний и на доводы специалистов полигона приостановить ядерную программу реагировал однозначно: «Гигантскую тварь уничтожить! Испытания закончить в течение недели! Виновных наказать!»

Что имели в виду генералы «пентагона» под приказом «Виновных наказать!», генерал Луи Рене, начальник полигона на Муруроа, не понял, но на всякий случай приказал посадить лейтенанта Толендаля на гауптвахту, помещение которой сохранилось в числе немногих уцелевших на рифе строений.

Капитан авианосца «Сен-Симон» получил приказ атаковать ската с воздуха, используя палубную авиацию и ракеты класса «воздух – земля», способные разрушать бетонные укрепления с толщиной стен до пяти метров. А если и они не помогут – сбросить на Несси-второго бомбу класса «серая зона», то есть класса обычных вооружений, сравнимых по мощности с ядерными.

Атака началась после эвакуации с рифа воинского контингента и обслуживающего персонала полигона в девять часов утра четвертого октября. Как это в спешке бывает, о гауптвахте забыли, и лейтенант Толендаль остался сидеть в комнате с единственным зарешеченным окном с видом на лагуну, не подозревая, что задумали отцы-командиры. Зато не забыла о своем друге медсестра Натили Нэсок.

Эвакуировали ее, как и остальных женщин, морские пехотинцы из подразделения охраны полигона, которым командовал тот самый приятель Франсуа, лейтенант Буангвиль, следивший за ним и Натили во время очередной встречи с «богом лагуны». На вопрос девушки: «Где Франсуа?» – Буангвиль со злорадством ответил, что тот сидит «на губе». Осознав, чем грозит Толендалю забывчивость командиров, Натили стала требовать, чтобы катер вернулся за ним, но никто ее не слушал. До авианалета оставалось всего полчаса, и рисковать своей шкурой

никто не хотел, в особенности Буангвиль. Он, конечно, мог связаться с командиром батальона и доложить о забытом товарище, но не стал этого делать.

Катер продолжал малым ходом уходить от атолла, и тогда Натили незаметно спустилась по трапу на нижнюю палубу, открыла люк сброса отходов в корме и скользнула за борт, нырнув сразу на несколько метров. Вынырнула она уже рядом с внешней стороной рифа. Когда ее хватились на катере, девушка уже мчалась по берегу к полуразрушенным строениям военного городка, в казарме которого находилась гауптвахта. Но она ничего не успела сделать.

Самолеты были уже в воздухе и дали залп. Восемь ракет, предназначенных для разрушения фортификационных сооружений, вошли в воду лагуны с четырех сторон, нашли тело Несси-второго и взорвались. В воздух взлетел гигантский восьмиструйный фонтан кипящей воды, обрушился на поверхность лагуны и покатился метровой волной к берегу. Риф вздрогнул.

Натили сбило с ног, но волна здесь, на возвышении рифа, была не столь высокой и в океан ее не утащила. Девушка нырнула в распахнутую дверь казармы, бросилась к помещению гауптвахты.

Толендаль стоял на койке, взявшись руками за прутья решетки, и смотрел на центр лагуны, где только что прогремел взрыв. Он ничего не понял, считая, что прошло очередное испытание. Оглянулся на стук открываемой двери: Натили нашла ключи, висящие в коридоре.

– Ты? Что случилось?!

Девушка бросилась к нему на грудь.

– Быстрее! Уходим! Они хотят уничтожить Ифалиука... самолеты... ракеты... если ракеты не помогут, сбросят какую-то страшную бомбу!

– Атомную, что ли?

– Нет, но очень большую. Надо уходить. Бомба поднимет волну, которая смоем с рифа все оставшиеся постройки. Быстрее!

– Надо предупредить Ифалиука.

Натили, тянувшая Франсуа за руку к выходу, остановилась на полдороге к двери, сказала неуверенно:

– Ифалиуку не страшны бомбы... его нельзя убить...

– А если можно? Откуда ты знаешь?

– Но... мы можем не успеть...

– Успеем, здесь у пирса есть лодки, доберемся за десять минут. Пока летчики будут анализировать результаты атаки, мы найдем Ифалиука.

Девушка чмокнула Франсуа в щеку, и они бросились из казармы наружу, не думая об опасности.

* * *

Полковник Леко наблюдал за действиями летчиков по экрану телемонитора, стоящего на палубе сторожевого корабля «Моветон». Корабль располагался в миле от атолла, и лагуну отсюда увидеть было нельзя, она пряталась за щеткой пальм. Устроившись в удобных шезлонгах, с банками пива и джина с тоником в руках, рядом с полковником сидели генерал Рене, профессор Кюри, контрразведчик Люк Перри, помощники и адъютанты, готовые выполнить любое распоряжение начальства.

Когда песчано-коралловая взвесь, поднятая взрывами ракет в лагуне, опала, взорам командиров предстала та же картина, что и до атаки: глубокая, стометровая воронка в дне лагуны и серебристо просвечивающий сквозь толщу воды ажурно-резной «кленовый лист» Несси-второго. Взрывы ракет, судя по всему, ни капли не повредили его по-рыбьи нежное с виду чешуйчатое тело.

– Вот гаденыш! – пробормотал, поморщившись, начальник полигона. – Ничто его не берет. Передайте на авианосец: пусть продолжают.

– Может быть, все-таки лучше поработать с ним? – проговорил благодушно настроенный профессор Кюри. – Для науки это бесценный материал!

– Я не хочу рисковать карьерой, – отрезал генерал. – Если я не выполню приказ, меня просто спишут на берег. Нет уж, увольте. Исследовать можно и останки.

– А если и эта бомба на него не подействует?

– Тогда мы сбросим на него ядерную.

Кюри хмыкнул, обменялся взглядом с полковником.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – буркнул Леко. – Мне жаль терять такой объект для исследований. Генерал, профессор прав: изучение этого монстра может дать науке в сто раз больше, чем наша программа испытаний. Не попытаться ли нам убедить главкома? Проявить, так сказать, милосердие?

– Милосердие может позволить себе тот, кто в нем нуждается, – ответил генерал презрительно. – Занимайтесь своим делом, Морис, голова целее будет. Мы и так отстали от графика. Не справимся, нас с вами заменят в три дня!

Самолеты, пустившие по атоллу ракеты, улетели. С борта авианосца стартовал «Мираж-4» с бомбой класса «серая зона» на борту.

– Он всплывает! – доложил наблюдатель.

Приглядевшись, Леко понял, что Несси-второй действительно поднимается из глубин воронки к поверхности лагуны.

– Может, подождем немного, выясним, чего он хочет?

– Удобнее будет метать бомбу, – бросил начальник полигона.

– Там люди! – донеслись вдруг крики многих наблюдателей. – К объекту подходит лодка с двумя пассажирами: мужчиной и женщиной!

– Ах, дьявол! Это лейтенант со своей девицей! – мгновенно догадался полковник Леко. – Похоже, его забыли на гауптвахте. Но как там оказалась девица? Генерал, давайте отбой!

– Отставить бомбометание! – рявкнул Рене, бледнея от ярости. – Связь с авианосцем, быстро!

Адъютант сунул ему рацию, но было уже поздно: самолет сделал горку над атоллом и сбросил бомбу, как на учениях, – точно в хорошо видимую на воде цель.

На мгновение все замерли. Затем загалдели наблюдатели, кто-то нашел мегафон и попытался докричаться до берега, эфир взорвался десятком воплей, приказов, ругательств и призывов, и... снова наступила тишина. А затем блестящая капля бомбы упала в лагуну, и в воздух взметнулся огромный двухсотметровый смерч взрыва.

Булькающая волна гула и грохота ударила в уши, многотонная масса воды обрушилась на риф, снося на нем все постройки, ломая пальмы, как спички, перенеслась в океан и качнула десятки судов, стоящих вокруг атолла. Гул стих, водо-коралловый смерч опал, волнение в лагуне постепенно прекратилось, и все увидели целую и невредимую стометровую тушу Несси-второго, слегка приподнявшего над водой свою лобную часть с рогами-антеннами.

– Пресвятая дева! – ахнул кто-то. – Он уцелел!

В то же мгновение с рогов монстра сорвалась неяркая в свете дня желто-голубая молния, ударила в небо, где на высоте километра кружил «Мираж», и на месте самолета вспыхнул язычок жемчужного пламени, вспухло дымное облачко и растаяло. Самолет исчез.

Но и это было не последним потрясением чувств руководства полигона. Спустя минуту после уничтожения самолета «богом лагуны» снова закричал наблюдатель:

– Вижу лодку! Люди... там люди! Они живы!

Полковник Леко посмотрел на соседа, и профессор ответил ему таким же удивленным и заинтересованно-понимающим взглядом. Они первыми поняли, что Несси-второй не только

уцелел сам, но и защитил каким-то образом людей в лодке – своих «приятелей» Натили Нэсок и лейтенанта Толендаля.

* * *

На следующий день на Муруроа прибыли представители министерства обороны Франции, генштаба и департамента безопасности, курирующего военные разработки. Им было вменено в обязанность разобраться с ситуацией на полигоне, навести порядок, во что бы то ни стало довести до конца программу ядерных испытаний, выяснить, кто препятствует делу, а причину ликвидировать. Средства для этой цели выделялись любые, в том числе и технические. Если комиссия сочла бы нужным нанести по атоллу ядерный удар, ей бы это позволили.

К этому моменту лейтенант Толендаль и медсестра Натили Нэсок уже содержались под стражей и в десятый раз рассказывали историю своей попытки спасти Ифалиука, несчастного «малыша», чей предок попал на Землю из космоса задолго до появления на ней человека. Поскольку Муруроа теперь представлял собой практически голый риф со следами построек, пострадал даже подземный бункер управления полигоном, то содержали арестованных на сторожевом корабле военно-морских сил Франции. Там же находился и временный центр управления научно-инженерным хозяйством полигона, руководимый полковником Леко. Генерал Рене и высокие гости предпочли расположиться на борту авианосца «Сен-Симон».

Сначала Толендаля и Натили допрашивал полковник Леко, потом генерал Рене со своей командой, потом контрразведчики и чины из министерства обороны, потом снова полковник, военспецы, ученые и те же самые лица по второму кругу, хотя рассказывать-то особенно было и нечего.

Франсуа с девушкой успели достичь места, где находилась лежка Ифалиука, к моменту, когда самолет уже заходил на цель. Вызывать его не понадобилось, «бог лагуны» словно почувствовал появление своих друзей и всплыл им навстречу. В то мгновение, когда на спину гиганту упала бомба, он каким-то чудом отпрыгнул к лодке и прикрыл ее вставшим вертикально телом, превратившись в жуткое существо – черепаху с головой кобры и конечностями богомола. Бомба взорвалась всего в полусотне метров от него и от людей, подняв в воздух сотни тонн воды, но пробить защиту Ифалиука не смогла и вреда ему не причинила, разве что отшибла все конечности и шипы.

– Значит, скат закрыл вас от взрыва плоскостью тела? – повторил вопрос полковник, хотя видел телезапись происходившего в момент взрыва.

– Так точно, господин полковник, – ответил уставший от допросов Толендаль.

– И больше вы ничего не заметили, не почувствовали?

Франсуа и Натили переглянулись. Помявшись, лейтенант тихо проговорил:

– Нам показалось, что в момент взрыва вокруг нас... как бы сгустился туман. Словно солнце спряталось за тучи. И еще... стало очень тихо.

– Да, – кивнула девушка, – взрыва мы не слышали.

Полковник крикнул, помассировал по привычке затылок, глотнул пива.

– А говорите, ничего необычного не заметили. Значит, Несси-второй спас вас, не только отгородив телом от взрыва, но и создав вокруг какой-то силовой пузырь. А это уже совсем другой колленкор получается. Такую вещь, как спасательная акция, можно сделать только сознательно. Понимаете, лейтенант?

– Вы хотите сказать, что... – Франсуа обескураженно посмотрел на полковника, – что Ифалиук – разумное существо?!

– В каком-то смысле. Не по-человечески, но разумное. – Леко вздохнул. – С этого дня я с вами прощаюсь, лейтенант. Теперь с вами будут заниматься контрразведчики и спецбезопасности. Программа испытаний на время свернута, решено переключить все внимание на нашего

Несси... то есть Ифалиука, с соблюдением всех мер секретности. Если он и в самом деле представитель негуманоидного разума, то выигрыш столь велик, что это сообразили даже безмозглые шишки в силовых министерствах. Короче, Муруроа теперь – центр контакта с неземным скатом.

– Но ведь Ифалиук отказывается контактировать с нами, – проговорил Толендаль с сочувствием, хотя сочувствие это предназначалось не полковнику, а «богу лагуны».

– Вот если снова откажется, тогда и возобновятся ядерные испытания, – многозначительно подчеркнул Леко.

Франсуа растерянно глянул на свою не менее шокированную, все понявшую подругу. Ифалиук был обречен при любом исходе событий. В случае неудачи военные собирались испытать на нем ядерные заряды, чего, конечно, «бог лагуны» выдержать бы не смог.

– А мы? – Вопрос прозвучал по-детски беспомощно и обреченно.

– Вам придется продолжить работу посредников контакта с Несси до упора. Попробуйте достучаться до его сознания. Упрямец действительно добьется, что его уничтожат, какими бы волшебными возможностями он ни обладал. Удачи вам в этом трудном деле.

И полковник Леко вышел из каюты, где содержались пленники, по сути, виноватые лишь в том, что первыми установили тонкий мостик взаимопонимания с инопланетным монстром на уровне эмоций, на уровне доброго расположения к чужому одинокому существу.

Так как программа контакта и исследования феномена не исключала ядерного удара по атоллу, решено было сооружения на рифе не восстанавливать. Бригада обслуживания полигона, его охрана и командование расположились на кораблях военно-морских сил, чувствуя себя даже в большей безопасности, чем до этого на суше.

Пока военные устанавливали вокруг атолла десятимильную зону недоступности, организовывали наблюдение за лагуной, монтировали на кольце рифа телекамеры и научные приборы, Франсуа Толендаль и Натили пользовались относительной свободой, предоставленные самим себе. Их отпустили на риф, дали катер, запас продуктов, рации, и теперь они могли хоть по несколько раз в день наносить визиты Ифалиуку, тихо сидевшему в глубинах образованных ядерными взрывами воронок. Рос «бог лагуны» теперь медленнее, но все же добавлял в сутки по два-три метра в диаметре, что заставляло невольно прикидывать его размеры по сравнению со скелетом предка. Если диаметр предка – двести с лишним метров – был пределом роста Ифалиука-младшего, лагуна атолла еще могла это выдержать, если же нет – никто не знал, что предпримет чудовищный пришелец, чтобы расширить свое жилище.

Если бы не постоянное назойливое сопровождение телекамер, Франсуа чувствовал бы себя прекрасно. Однако и к этим условиям он привык быстро и скованности в отличие от Натили не чувствовал. Обладая легким и веселым нравом, лейтенант унывать не привык, неудобства переносил по-философски спокойно, поэтому и девушка чувствовала себя с ним увереннее. Хотя оба они понимали, что миссия их может закончиться в любой момент ракетно-ядерным ударом по лагуне. Отвести этот удар они не могли, убедить генералов в ценности жизни вообще и «бога лагуны» в частности – тоже, поэтому все усилия направили на поддержание – даже не контакта или диалога – хрупкого мостика доверия между людьми и чужаком, способным сбивать самолеты с легкостью зенитного комплекса.

Ифалиук на вызовы-хлопки ладошкой по воде отвечал каждый раз все неохотнее, однако все же всплывал и подолгу смотрел на людей двумя длинными, светящимися желтизной, «кошачьими» глазами и третьим, щелевидным, мозаичным, без зрачков, который раскрылся у него на лобном бугре над рогами. Эти три глаза, по-видимому, были уже земным приобретением Ифалиука-младшего, потому что у старшего, погибшего миллионы лет назад, судя по сообщениям исследователей скелета, глаз не было вовсе.

– Какого дьявола он нас рассматривает? – сердился Толендаль. – Как будто сомневается, мы это или не мы. Лучше бы прислушивался к советам.

– Он все еще ждет, – отвечала Натили.
– Кого?
– Он ждет от нас какого-то поступка... или какой-то информации.
– Ну так спроси у него, чего он хочет.
– Я спрашивала. – На глаза девушки навернулись слезы. – Он отвечает, но я не понимаю.
– Как он отвечает? Мысленно, что ли?
– Я вижу разные картины... как во сне... но они какие-то все странные... чужие... целые потоки пересекающихся видений. Трудно разобраться.
– Почему же я ничего не вижу?
– Ты не веришь, вот и не видишь. Надо верить... и научиться медитировать.
– Этого мне только не хватало. – Толендаль опустил бинокль, через который разглядывал сложное, пластинчато-чешуйчатое тело Ифалиука. Он понимал, что девушка во многом права, но переломить себя внутри не мог. Все казалось, что это сон, что никакого «бога лагуны» не существует и, стоит только сделать усилие, – он проснется в своей комнатухе офицерского общежития на атолле с больной от похмелья головой. Однако «сон» тянулся и тянулся, и, видимо, проснуться Толендалю было не суждено. В конце концов он разозлился на себя и стал потихоньку следовать советам Натили, учиться медитировать, уходить в себя, прислушиваться к своим ощущениям. И – о чудо! – уже на третий день сосредоточения он вдруг при очередной встрече с Ифалиуком отчетливо увидел черную, искрящуюся звездами пропасть космоса, глыбу зеленовато-голубой планеты и косо скользящую в ее сторону жуткую фигуру, составленную из четырех – с виду – фигур: на нижней, похожей на панцирную черепаху, раскорячился страшный, в пупырчатой броне динозавр, на котором, в свою очередь, сидели два таких же чудовищных, одноруких и одноногих уроды в бликующих костяными или металлическими наростами доспехах! Вся эта вызывающая дрожь конфигурация достигла верхнего слоя атмосферы планеты, вспыхнула вдруг малиновым пламенем и распалась на три отдельные фигуры, и каждая из них по очереди нырнула в атмосферу, волоча за собой хвосты из пламени и дыма...

Видение закончилось вспышкой головной боли. Франсуа вскрикнул и очнулся.

– Что с тобой?! – кинулась к нему Натили. – Что случилось? Ты... увидел?!

Глядя перед собой расширенными глазами, держась за голову, побледневший Толендаль облизал губы, потом, подчиняясь ласковым рукам девушки, лег на палубу, не отвечая на вызовы встревоженного дежурного.

– Ты что-то увидел? – шепотом повторила вопрос Натили.

Франсуа кивнул. Краска постепенно вернулась на его щеки. Он снял с себя дугу с наушником и усиком микрофона, глянул в удивленно-недоверчивые глаза подруги.

– Ты была права, Тили... Ифалиук упал на Землю из космоса. Но он был не один...

– Я видела, их было четверо.

– Скорее трое, хотя я не разглядел того, в латах...

– Очень все страшные с виду, но я почему-то их не боялась.

Франсуа вспомнил облик «динозавра», содрогнулся, промычал:

– Да уж, милые такие зверьки! Неужели наш Ифалиук один из них?

– Ты сомневаешься?

– Я обязан сомневаться. Та «черепаха» не очень-то была на него похожа. Надо повторить эксперимент. Где малыш?

– Ушел в глубину. Мне в последнее время кажется, что он страдает.

– Может быть, голодает? Все-таки давно его не кормили радиацией взрывов. Надо попросить начальство, пусть устроит очередное испытание. Кстати, а что мне докладывать командиру?

Натили пожала плечами, села на корме, обняв по привычке колени руками, притихла. Ей давно надоела такая жизнь, отсутствие свободы, дружеской атмосферы, подруг, нормальных условий жизни. И если с отсутствием удобств она еще могла смириться, то к напряженно-казенному бытию привыкнуть не могла.

Толендаль взял с палубы рацию, в наушнике которой надрывался дежурный на авианосце, и сказал с раздражением:

– Прекрати орать, капитан! Все нормально, убитых нет. Наш малыш передал всем привет.

Не слушая ответа, Франсуа бросил рацию в шезлонг, подошел к Натили и обнял ее за плечи.

– Давай искупаемся? Я хочу нырнуть туда, к нему, побродить по его телу.

– Зачем?

– Сегодня я впервые услышал его передачу, а главное – кое-что понял. Надо сообщить ему об этом.

Натили, подумав, поднялась, они обнялись, постояли так немного, не думая о том, что на них пялятся телекамеры с рифа, и принялись надевать акваланги.

* * *

Полковник Леко не был допущен к исследованиям Несси-второго, но, будучи специалистом по ядерной физике и знатоком местных условий, отлично знавшим оборудование полигона, часто давал консультации начальнику наспех сформированной бригады по изучению «бога лагуны». А так как начальником стал не ученый, а представитель департамента безопасности полковник Пьер Гарнье, то Морис Леко консультировал его неохотно и скупно, в ответ получая брезгливо-высокомерные поучения и грубые шутки. Неудивительно, что отношения двух полковников стали холодными и если не враждебными, то натянутыми. Леко называл про себя Пьера Гарнье «спесивым надутым индюком», Гарнье, в свою очередь, не стеснялся при подчиненных называть Мориса «выскачкой» и «высоколобым обжорой», намекая на его худобу. Но обоим приходилось скрепя сердце участвовать в обсуждении совместных действий и решать задачи безопасности личного состава.

Когда штабу, сформированному из приезжих чинов и высших сановников правительства, надоело ждать результатов переговоров между посредниками и объектом изучения, последовал приказ провести очередное испытание в рамках прежней программы.

Леко понимал, насколько опасен эксперимент, однако обсуждать приказы не привык и начал готовить одну из уцелевших скважин к взрыву. Полковник Гарнье попытался вмешаться в подготовку, имея собственное мнение по вопросам безопасности, но получил отпор и затаил злобу, нашедшую выход в изоляции Толендаля и Натили от всех людей. Эта изоляция не имела никакого смысла, и Леко в общем-то не собирался вмешиваться, но лейтенант и девушка были ни в чем не виноваты, подобного отношения не заслужили, и Морис в резкой форме потребовал отпустить посредников «для участия в эксперименте». Последовал крупный разговор двух полковников, едва не дошедший до рукоприкладства. Обоих вызвали в штаб, выслушали, и полковнику Леко милостиво разрешили забрать посредников под его ответственность. Взгляд, которым его проводил полковник Гарнье, был весьма красноречив, но на это Морису было наплевать.

Зато в благодарность за освобождение Толендаль вдруг рассказал полковнику о своих «телепатических контактах» с Ифалиуком, чем весьма озадачил и заинтересовал Леко. На следующую встречу с «богом лагуны» они поплыли на катере втроем. Пока шла подготовка испытания, по акватории лагуны можно было передвигаться свободно.

Ифалиук отозвался на этот раз удивительно быстро, всплыв после первого же шлепка по воде.

Полковнику стало не по себе, когда монстр выставил из воды свой могучий лоб и уставился на него всеми тремя глазами, словно вопрошая: кто ты такой? Он продолжал смотреть на Леко и дальше, после того как Натили ласково заговорила с ним, представив Мориса как друга. А затем последовала передача, предназначенная явно не дилетантам в науке Толендалю и Натили, а профессионалу-физику. Ни Франсуа, ни девушка ничего не поняли, да и Леко не сразу врубился в смысл галлюцинации, потеряв сознание уже на пятой секунде контакта. Однако это не помешало ему впоследствии припомнить спектр скользнувших в сознание видений и сделать вывод, что он имеет дело не с разумным существом, а с посредником, связующим звеном неких разумных сил, зависящих напрямую от него, «бога лагуны». Но это случится потом, а до тех пор полковник Леко, потрясенный до глубины души, медленно приходил в себя и все пытался оттолкнуть от себя кого-то, пока не понял, что это руки Натили, протягивающие ему успокоительное.

Проглотив сразу три таблетки, Леко пришел в себя и схватился за бинокль. Но Ифалиук, сообщив все, что хотел, уже скрылся на дне воронки, светясь сквозь толщу воды нежным пластом серебра.

– Что вы видели, полковник? – заинтересованно спросил Толендаль, переглядываясь с Натили.

Леко отбросил бинокль, глубоко вздохнул, оглянулся. Лицо его, квадратное, морщинистое и бледно-пергаментное от природы, побледнело еще больше.

– Можешь называть меня просто Морис, лейтенант. Если бы вы взяли меня на встречу с Несси раньше, может, никаких конфликтов с этим космическим парнем не произошло бы. – Леко пожевал губами. – Впрочем, полигон – не лужайка в Пале-Рояле. Поехали на берег.

Франсуа включил мотор, катер заскользил к северному участку рифа, где работала инженерная бригада полигона.

– Никому ни слова о своих ощущениях, ребята! Ясно? Пока я не проверю кое-какие идеи.

– Вы придумали, как ему помочь, пол... э-э, Морис?

– Нет, не придумал. Но если... – Полковник замолчал и больше не произнес ни слова. Он не верил, что ему удастся помочь чужаку уцелеть. Судя по действиям полковника Пьера Гарнье, единственным решением проблемы для него было уничтожение мешающего объекта, а не контакт или изучение феноменальных свойств пришельца.

* * *

Испытание ядерного устройства мощностью в двадцать килотонн окончилось появлением еще одной глубокой воронки в дне лагуны и разрушением части рифа. После чего дремавший до того исполин проявил вдруг странную активность, напав сначала на транспортный корабль с имуществом и оборудованием полигона, а затем сделав попытку нападения на авианосец.

Корабль водоизмещением в тысячу двести тонн Ифалиук потопил, но авианосец успел отойти на безопасное расстояние, использовав против монстра все свое оружие – от артиллерийских установок и торпед до ракет класса «борт – борт». Неизвестно, огонь ли авианосца остановил «бога лагуны» или он просто не решился далеко уходить от «родных пенатов», но напугал он командование изрядно. Особенно сильное впечатление произвела на штаб даже не погоня за авианосцем, а потопление транспортника, совершенное Ифалиуком с легкостью кока, топящего в воде очищенную картофелину. Причем сделал это Ифалиук очень дипломатично: сначала пару раз толкнув посудину в бок, заставив команду эвакуироваться, а затем выпрыгнул из воды и всей массой обрушился на корабль, погребая его под собой.

Срочно было созвано чрезвычайное совещание командования, на котором генералы и руководители служб обсудили создавшееся положение. Больше всего времени и нервов потребовала дискуссия о мотивах поведения Несси-второго, на которой свое мнение высказал и полковник Леко.

– Все очень просто, – сказал он. – «Бог лагуны» хочет есть. Ему нужны либо взрывы, накачивающие его энергией, либо расщепляющиеся материалы. На транспортнике находились готовые к использованию ядерные заряды, вот он и напал на корабль, чтобы заполучить их.

– Но на авианосце-то нет зарядов, – перебил его полковник Гарнье.

– На авианосце есть атомный реактор, – отрезал Леко. – Прекрасная пища для Несси. Хорошо еще, что он по каким-то причинам не может покинуть атолл.

– А если все же решится выйти? – спросил прилизанный, как всегда, Люк Перри. – Что тогда?

Ответом было молчание.

После долгих дебатов штаб принял решение в последний раз послать к Ифалиуку парламентариев, а потом нанести по атоллу ядерный удар, если договориться с ним не удастся. Против этого решения протестовали полковник Леко и профессор Кюри, но их мнение в принципе никого не интересовало. Чиновники испугались последствий предполагаемого похода монстра по океанам и морям. Винить их в желании воевать в общем-то не имело смысла.

Снова лейтенант Толендаль и Натили очутились на катере в лагуне, давно потерявшей прежний мирный вид, со зловещими фиолетовыми пятнами воронок от взрывов, с растрескавшимся дном, с изменившимися очертаниями рифа, практически лишенного растительности. Но на этот раз с ними снова пошел полковник Леко, что придавало молодым людям уверенности и бодрости. Сам Леко далеко не был уверен в успехе переговоров, но держал свое мнение при себе.

Ифалиук всплыл только спустя час после первой попытки вызвать его пошлепыванием ладони по воде. Ракетно-торпедная пальба с авианосца с виду не оставила следов на его теле, и все же Морису показалось, что «бог лагуны» выглядит иначе, не так, как раньше. Вглядевшись в монстра, он понял, что Ифалиук-младший действительно изменил форму. Теперь он выглядел больше похожим на помесь гигантской черепахи и ската, обзавелся панцирем, двумя полукруглыми плавников, острым копьевидным хвостом, а также двумя перепончатыми «ушами» по сторонам лобного вздутия. Зато у него исчезла бахрома шипов, ранее окружавшая все тело, отпали рога и удлинились глаза.

Полковник сглотнул ком в горле, внезапно осознав, что несколько дней назад Ифалиук показал ему свой собственный портрет. Вернее, «скульптурную композицию», в которой сам он занимал положение черепахи, послужившей основанием для «динозавра» и двух исполинов в сверкающих золотых доспехах. Сомнений не было. К тому же Морис вспомнил и разговор с контрразведчиком о появлении на территории ядерного полигона в Неваде какого-то «супердинозавра», очень похожего, судя по описанию, на второго члена «скульптурной композиции».

– Пресвятая дева! – пробормотал полковник, ясно понимая, кого именно ждет Ифалиук в лагуне. Сел на палубу, чтобы не упасть на ослабевших ногах.

– Что с вами, Морис? – обернулся Толендаль, удивленный поведением полковника.

– Он не уйдет отсюда, – одними губами ответил Леко. – Нечего даже и пытаться уговорить его.

– Почему вы так думаете?

– Уверен.

– Франсуа, – вдруг позвала Натили слабым голосом.

Оба подскочили к ней, глядя на застывшего напротив гиганта, разглядывающего людей с каким-то странным выражением глаз. Эти глаза спрашивали, предостерегали и как бы плакали, налитые чужой, нечеловеческой тоской.

– Он хочет... чтобы мы ушли, – со слезами в голосе продолжала девушка. – И еще он хочет, чтобы мы нашли какого-то наездника и сообщили ему об Ифалиуке.

– Что за наездник? – осведомился Леко. – Как выглядит? Как динозавр?

– Нет, – покачала головой Натили. – Он такой... два туловища на одной... на одном... но две ноги...

Полковник снова вспомнил свое видение. Неужели два одноруких всадника на динозавре – на самом деле один двутелый и двухголовый урод?!

– Понятно. Спроси своего приятеля, где искать этого наездника.

Натили, запинаясь, обратилась к Ифалиуку, но тот, не спуская глаз с людей, медленно погрузился в воду и скрылся в глубине воронки. Леко только теперь заметил, насколько подрос «бог лагуны»: за прошедшие несколько дней его диаметр достиг не менее ста пятидесяти метров!

Натили беззвучно заплакала, глотая слезы, и Толендаль прижал ее к себе, хмуро поглядывая на воду.

– Ну и что теперь?

– Мне не поверят, – со вздохом ответил Леко. – Шансов спастись у этой одинокой твари нет.

– А если поискать наездника?

– Где вы будете искать его? На полигоне в Неваде вроде бы объявился какой-то громадный динозавр... но вдруг не тот? И как вы туда доберетесь?

– Подам рапорт... улечу в Австралию. Оттуда – в Америку...

– Не успеете. Рене уже отдал приказ о подготовке к пуску ракеты с ядерной боеголовкой. Конечно, Несси питается радиацией, но вряд ли способен переварить сразу столько энергии, что порождает ядерный взрыв. Он просто лопнет, испарится...

– Значит, выхода нет?

– Я так не сказал. Попробую уговорить штаб, но не думаю, что мне это удастся сделать. Для военных профи ваш скат – что бельмо на глазу, которое срочно надо удалить.

Натили перестала плакать, плечи ее вздрагивали. Франсуа среагировал на слова Леко более спокойно, однако и у него испортилось настроение. Один полковник мыслил трезво и хладнокровно, сам удивляясь своему внутреннему позыву помочь необычной твари и тому состраданию, которое вызывала участь неземного исполина. До этого дня он не считал себя способным на такие сентиментально-интеллигентские порывы.

* * *

Полковник оказался прав: ему не поверили. Доказать штабу, что тот имеет дело не с агрессивным мутантом, а с составной частью некоего разумного комплекса, потерпевшего крушение над Землей в доисторические времена, не удалось. Не возымела успеха речь Леко и перед военными специалистами, привыкшими не фантазировать, а решать чисто прикладные задачи. После недолгих дебатов генерал Рене отдал приказ на уничтожение исполинского ската, и с борта авианосца стартовал к атоллу Муруроа штурмовик с ракетой «Марсо», снабженной ядерной боеголовкой мощностью в десять килотонн.

Весь многотысячный контингент специалистов, моряков, летчиков, официальных лиц, представителей организации «Гринпис», находящихся на кораблях разного класса и водоизмещения на площади в тысячу квадратных миль вокруг атолла, затаил дыхание, ожидая развязки разыгравшейся драмы. Однако развязка наступила раньше, чем самолет достиг зоны пуска ракеты, и не такая, какую ожидали планировщики бомбометания.

Под тихий возглас наблюдателей Ифалиук всплыл на поверхность лагуны, безошибочно определил местоположение самолета и сбил его с первого же выстрела. Только на сей раз это

была не молния электрического разряда, уничтожившая недавно вертолет, а мерцающий звездами столб черного бурлящего дыма толщиной в полметра; назвать лучом этот ровный дымный искрящийся пучок не поворачивался язык.

«Мираж» стал разваливаться на горящие пронзительным жемчужным пламенем куски и упал в океан вместе со всем своим вооружением, в том числе и с ракетой «Марсо». В то же мгновение Ифалиук перепрыгнул через риф атолла, достиг места падения обломков, нырнул, несколько минут рыскал под водой в поисках ракеты и вернулся в лагуну.

Только после этого общий вздох вырвался из сотен грудей, наблюдатели и техники вспомнили о своих обязанностях, в эфир хлынул водопад восклицаний, возгласов, оживленных переговоров и сообщений. А полковник Леко, наблюдавший за происходящим в каюте сторожевика в компании с лейтенантом Толендалем и Натили Нэсок, проворчал, расслабляясь:

– Похоже, нам дали небольшую передышку. Но горячие головы из спецслужб и минобороны на этом не успокоятся. Через пару дней они опомнятся и потребуют новой атаки, но теперь уже выберут игрушку помощней, что-нибудь вроде стратегической ракеты класса «земля – земля» или в крайнем случае ракеты с подводной лодки.

– Может быть, попытаться отыскать наездника, о котором «говорил» Ифалиук, на полигоне в Неваде? – неуверенно проговорил Толендаль. – Если меня не отпустят, я потихоньку сбегу на один из кораблей «Гринпис»...

– Тебя не выпустят без пули в спине. Нет, это попытаюсь сделать я, возможностей у меня побольше. – Полковник Леко выдул одним глотком банку пива, швырнул пустую в монитор и встал. – Адью, лейтенант.

– Но что делать нам? – в отчаянии заломила пальцы на руках Натили.

– Ваша задача – отвлечь на время внимание командования. Пообещайте этому куску дерьма Гарнье добиться непременно диалога с Ифалиуком, наврите ему с три короба, тяните время, общайтесь с вашим скатом, может, он что-нибудь подскажет. В общем, убедительно валяйте дурака, сколько сможете. Связь будем держать по лонг-рации через спутник, я достану для вас один экземпляр.

Леко легонько потрепал Натили по щеке, треснул Толендаля по спине широкой ладонью и вышел из каюты. Девушка и ее друг остались сидеть, глядя на закрывшуюся дверь.

В тот же день после настойчивых просьб принять его Франсуа был допущен к генералу Рене и полковнику Гарнье и сумел уговорить их, поражаясь своему красноречию, отпустить его с Натили в последний раз для контакта с «богом лагуны», который сумел найти в водах океана упавшую ракету, после чего она бесследно исчезла вместе с боевой частью из килограмма с небольшим плутония-237.

– Хорошо, идите, – сказал начальник полигона, не глядя на лейтенанта. – Даю вам два дня. Кстати, спросите этого мерзкого уроды, что он сделал с ракетой. Пусть лучше вернет.

– Да-да, пусть вернет, – поддакнул сытым голосом полковник Гарнье, ковыряясь в зубах. – Не то ему будет плохо.

Лейтенант подумал, что Ифалиук, наверное, давно использовал боевую часть ракеты, что на угрозы он не реагирует, но вслух говорить об этом не стал.

Через два часа после разговора с генералом Толендалю дали пятиместный катер с крохотной каютой на корме, телекамеру, магнитофон, фонари, осветительные ракеты и запас консервов на два дня. Натили заняла место на корме, возле люка в каюту, и Франсуа отчалил от борта сторожевого корабля, где находился все это время. Он знал, что полковник Леко убыл с корабля в неизвестном направлении и под неизвестным предлогом, но рация, которую он оставил Толендалю, пока молчала. Оставалось только ждать от него вестей.

Катер обогнул риф, нашел достаточно широкую протоку и по ней пробрался в лагуну, мирно отсвечивающую лазурью и пляжами с жемчужно-перламутровым песком.

Воронку с лежащим на дне Ифалиуком они нашли быстро, по указаниям наблюдателей, не сводящих стволы приборов и оптики с обиталища двухсотметрового исполина. Посидели на палубе катера, просто свесив ноги через борт, глядя в воду и думая о своем. Потом Натили искося посмотрела на задумчиво-отрешенное лицо лейтенанта, сказала с виноватой улыбкой:

– Ты, наверное, меня ругаешь в душе, авун?

– За что? – поднял брови Франсуа.

– За то, что втянула тебя в эту историю. Если бы я не рассказала тебе об Ифалиуке и не познакомила с ним...

– Все равно рано или поздно его обнаружили бы.

– Но ты бы не мучился со мной, выполнял бы свой долг, и все.

Франсуа притянул девушку к себе, поцеловал, глянул в ее черные глубокие печальные глаза.

– Кто сказал, что я мучаюсь? Все нормально, Тили. Я благодарен судьбе, что свела меня с тобой.

– Правда? – Глаза девушки вспыхнули, полные пунцовые губы приоткрылись, и Франсуа не удержался от поцелуя, долгого и желанного для обоих.

Запищала рация. Толендаль с сожалением оторвался от девушки, засмеялся, представляя лица наблюдателей, поднес наушник рации к уху.

– Чем вы там занимаетесь, лейтенант? – донесла мембрана недовольно-брюзгливый голос полковника Гарнье.

– Обсуждаем план контакта с Ифалиуком, – ответил Франсуа, не моргнув глазом.

Динамик рации донес чье-то хихиканье, затем голос начальника полигона:

– Займитесь делом! В случае угрозы со стороны объекта убирайтесь прочь, с рифа вас снимет вертолет.

– Вертолет не понадобится, господин генерал. К тому же неизвестно, как на него отреагирует наш приятель.

Рене промолчал.

Толендаль выключил рацию, подмигнул Натили, откровенно любуясь ее грудью, кивнул.

– Ну что, коллега, начинаем?

Девушка улыбнулась, свесилась за борт и дважды звонко шлепнула ладошкой о воду.

Громада «бога лагуны» всплыла на поверхность через несколько минут. Подросший «малыш» помнил о своих друзьях среди людей и, несмотря на ракетно-бомбовые удары со стороны сородичей Натили, откликался на ее вызовы.

Два глаза Ифалиука остались такими же, как и прежде, разве что еще больше удлинились, а вот третий превратился в «кратер вулкана» с блестящим черным зрачком на дне. Франсуа вдруг вспомнил дымно-звездный луч, сбивший самолет, и понял, что этот глаз «бога лагуны» на самом деле представляет собой какой-то неизвестный вид оружия.

– Скажи ему, что у нас всего два дня, – пробормотал Толендаль. – А потом, если он не перестанет нападать на корабли, его накроют более мощными ракетами.

– Он знает, – тихо сказала Натили. – Он не хочет больше встречаться с нами.

– Почему?

– Потому что это опасно... для нас. И еще он... – Девушка не договорила.

Сзади на палубу катера вдруг ловко взобрался аквалангист в необычном блестящем костюме, за ним второй. Оттолкнув Толендаля, первый бросил в черный глаз-кратер Ифалиука блеснувший металлом предмет, а второй рывкнул, сбивая с ног Натили:

– Ложись!

Блестящий предмет вонзился в глаз «бога лагуны» и взорвался, оказавшись гранатой с мощным зарядом. Сноп огня ударил фонтаном вверх, породил три ярких огненно-дымных

языка, и тут же раздался еще один взрыв, глуше, но массивнее, тяжелее. От него сотряслось все тело Ифалиука, а вместе с ним и вода в лагуне.

Катер отшвырнуло прочь от этого места на несколько метров, аквалангистов и Толендаля с девушкой снесло с палубы как пушинки, и это их спасло. Непередаваемо низкий, уходящий в инфразвук рев прокатился над лагуной – крик Ифалиука, хотя было непонятно, как он кричал – без рта, а затем во все стороны от его тела рванули десятки змеящихся желто-зеленых молний, испарили катер, искромсали уцелевшие кое-где пальмы на рифе и пробили в самом рифе десятки брешей, окончательно разрушив атолл...

Толендаль и Натили пришли в себя уже на палубе быстроходного спасательного глиссера, уносящего их от атолла Муруроа. Девушка закричала, с плачем стала вырываться из рук морских пехотинцев, глядя на отдаляющуюся полосу раздробленного на куски рифа, потом застыла в объятиях Франсуа.

Через несколько минут глиссер подняли на борт сторожевика, лейтенанта и девушку проводили в каюту, но Толендаль уперся, не желая заходить.

– Мне надо поговорить с генералом Рене, это очень важно.

– Не велено, – сказал мордастый молодой парень с лихо сидящим на голове голубым беретом. – Ждите.

– У меня важное сообщение...

– Проходи, – морпех подтолкнул Франсуа к двери каюты, в которой уже скрылась безучастная ко всему Натили, и тогда лейтенант без замаха въехал локтем в солнечное сплетение мордоворота и добавил рубящий удар по толстой шее. Пехотинец с грохотом рухнул на гофрированный пол коридора.

Его напарник у трапа оглянулся, рванул было с плеча автомат и замер, глядя в зрачок автомата, который направил на него Толендаль.

– Я вас тут всех положу, мальчик, – проникновенно сказал Франсуа. – Иди и доложи командиру, что я хочу поговорить с генералом Рене. Понял?

Пехотинец, знавший лейтенанта в лицо, кивнул.

– Иди.

Проследив за парнем, Франсуа заглянул в каюту.

– Тили, я сейчас вернусь, выясню, что там и как. Не выходи из каюты.

– Ты думаешь, он жив? – Девушка подняла на лейтенанта печальные глаза, имея в виду Ифалиука.

– Конечно, жив, ему не страшны даже бомбы, а тут была одна граната.

– Но он кричал!

– Я бы тоже закричал на его месте. Граната все же не комариный укус. Но я уверен, что Ифалиук жив. Узнаю и приду, жди.

Франсуа закрыл за собой дверь каюты и стал ждать возвращения морпеха, напарник которого начал подавать признаки жизни.

За ним пришли через пять минут трое мощных лбов с автоматами и командир подразделения, которым оказался Буангвиль.

– Ну и влип ты, красавчик! – зловеще ухмыльнулся он. – Придется тебя снова отправить на губу, приказ майора. Так что извини, но...

В ту же секунду Франсуа дал очередь вдоль коридора, рванул к себе приятеля, перехватывая его руку и упирая в бок ствол автомата. Сказал, отступив к стене:

– Ребятки, зовите майора, иначе я из него сделаю красивый труп. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю. Не так ли, Жорж?

Один из морских пехотинцев, знавший Толендаля, кивнул. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Тогда беги за майором, а то обмочится парень.

Двое из «дубленных загривков» потрусили по коридору к трапу и исчезли. Из кают по обе стороны коридора начали выглядывать привлеченные шумом матросы, появился старпом корабля, но вмешиваться не стал. Через пять минут пришел хмурый командир батальона майор Леблан.

– Что бузишь, Толендаль? Что за концерт ты тут устроил?

– Мне надо поговорить с генералом, – шепотом сказал Франсуа, успокаивающе махнув рукой выглянувшей Натили. – Это очень важно. И если вы меня не отведете к нему, меньшее, что вас ждет, – это разжалование!

– Не пугай, – усмехнулся чем-то похожий на лейтенанта майор, посмотрел на морских пехотинцев. – Опустите пушки, парни. Пошли, лейтенант.

Они выбрались на палубу, спустились в катер и вскоре подошли к авианосцу, на котором расположился со своим штабом генерал Рене.

В каюте генерала находились еще трое человек: представитель Комитета по внешней оборонной политике, полковник Гарнье и работник контрразведки, прилизанный, мышинового вида, с неприятной ухмылкой на бледных губах. Франсуа уже знал, что его зовут Люком Перри. Удобно расположившись в шезлонгах вокруг телемонитора, они беседовали и пили пиво. Франсуа непроизвольно облизнул пересохшие губы, но никто из присутствующих не догадался предложить ему чего-нибудь выпить.

– Слушаю, лейтенант, – глянул на него генерал Рене, сухой, загорелый, с ледяными глазами и ниточкой усов. – Мне доложили, что вы устроили настоящую войну, чтобы встретиться со мной. В чем дело? Что вы хотите сообщить?

– Что с Ифалиуком?

– Вы имеете в виду ската? К сожалению, цел и невредим, по обыкновению лежит на дне. Посбивал, кстати, все телекамеры на атолле, отогнал катера... В общем, мы имеем полное право принять адекватные меры, уничтожить его как опасное агрессивное животное.

Толендаль с недоверием посмотрел на генерала, потом на полковника Гарнье.

– Но вы же первые напали! Кто придумал бросить гранату в его глаз? Зачем?

Присутствующие в каюте переглянулись.

– Вы, собственно, зачем сюда явились? – ледяным тоном осведомился полковник Гарнье. – Адвокаты монстру не нужны. Говорите, что хотели сказать, или убирайтесь.

– Хорошо, я скажу. – Толендаль глубоко вздохнул. – Генерал, Ифалиук передал, что, если вы попытаете атаковать его ракетами с более мощным зарядом, чем прежде, он ответит адекватно. Авианосец вас не спасет.

– Он так прямо и сказал? – усмехнулся бледными губами контрразведчик.

Франсуа посмотрел на него.

– Это случайно не ты предложил бросить гранату, слизняк?

– Но-но, лейтенант, не забывайте! – загремел генерал, сдвигая брови.

– Ну, я, – снова растянул в улыбке губы Люк Перри, с превосходством и жалостью посмотрев на Толендаля. – И что из этого следует?

– Ничего, – сжал зубы Франсуа, поворачиваясь, чтобы выйти, потом вдруг прыгнул в глубину каюты и в прыжке ударил улыбающегося контрразведчика ногой в лицо. Прилизанный молодой человек улетел в угол вместе с шезлонгом, сбив экран телемонитора, генерал и полковник Гарнье вскочили, но Толендаль не собирался драться со всеми присутствующими в каюте. Уронив руки, он остановился посреди каюты и вспомнил слова Натили: «Он не хочет больше встречаться с нами, потому что это опасно... для нас». Вероятно, Ифалиук знал, чем в конце концов закончится его контакт с людьми.

* * *

Он проснулся от того, что по щеке проползло что-то мокрое и холодное, как улитка. Не открывая глаз, прислушался. В трюме сторожевика, где располагался бункер гауптвахты, было тихо, но рядом слышалось чье-то легкое дыхание. Снова щеки коснулось что-то прохладное... Женская ладонь!

Франсуа открыл глаза и рывком сел на привинченной к стене койке. В скудном свете, сочившемся в помещение из щели под дверью, блеснули глаза Натили, на губы лейтенанта легли ее пальцы, к уху приблизились горячие губы:

– Мне удалось уговорить охранника... он теперь спит. Пошли отсюда.

– Куда? – спросил шепотом Толендаль, натягивая на себя помятый офицерский костюм; спал он из-за жары и духоты в одних плавках.

– Катер готов, стоит под кормой. Надо попасть в лагуну.

– Зачем?

– Утром с подводной лодки по атоллу будет запущена ракета с ядерной боеголовкой. Надо предупредить Ифалиука, он успеет уйти на момент залпа.

– Ты с ума сошла! После того инцидента с гранатой он не подпустит нас на пушечный выстрел!

– Я могу поплыть одна, оставайся.

Франсуа покачал головой, удерживая руку Натили, притянул ее к себе и, несмотря на сопротивление, поцеловал.

– Нет, ты все-таки сумасшедшая!

Стараясь не производить шума, они выскользнули в трюм, поднялись по трапу наверх, обошли сидящего на полу в глубокой задумчивости охранника и шмыгнули по палубе мимо артиллерийской установки к корме. Ночь была безлунная, никто их не увидел.

Спустились по канату на палубу скоростного глиссера, вытравили шкот, оттолкнулись, и Толендаль начал бесшумно грести специально подготовленными веслами.

Шум на сторожевике начался, когда они отплыли метров на двести. По палубе забегали люди с фонарями, раздались команды, загорелся прожектор на корме. Тогда Толендаль включил двигатель и, уже не таясь, погнал глиссер напрямик к атоллу, располагавшемуся в трех милях к северу. Натили подсказывала курс, хорошо ориентируясь на море ночью.

Их не преследовали и стрелять по глиссеру не стали. То ли командиры решили дожидаться утра, а потом выловить беглецов в лагуне, то ли имели другие цели. Таким образом, Толендалю и девушке никто не мешал миновать риф и войти в лагуну. Проплыв еще с милею, лейтенант остановил свой быстроходный катер.

– Ну и что мы будем делать дальше?

– Ничего, – серьезно ответила девушка. – Звонил полковник Лeko...

Франсуа присвистнул. Он совсем забыл о рации, которую им оставил Морис.

– Рация у тебя?! Что он сказал?

– Он сейчас на полигоне в Неваде. Дела там обстоят примерно так же, как и у нас: динозавра двое, и их хотят уничтожить. Но он надеется все-таки выйти на них и рассказать об Ифалиуке. Велел нам держаться, тянуть время...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.